

INTDANOK MEMUARY ПОД ГРИФОМ УДЗУСВТМ9
IF5789NTDVSQ1MD2ND <С Е К Р Е Т Н О > WTE09F5709HNR5G3F5789

ВЛАДИМИР СЕМИЧАСТНЫЙ

СПЕЦСЛУЖБЫ
СССР В ТАЙНОЙ
ВОЙНЕ

Мемуары под грифом «секретно»

Владимир Семичастный

**Спецслужбы СССР
в тайной войне**

«Алгоритм»

2016

УДК 355.40(47+57)
ББК 67.401.212

Семичастный В. Е.

Спецслужбы СССР в тайной войне / В. Е. Семичастный — «Алгоритм», 2016 — (Мемуары под грифом «секретно»)

ISBN 978-5-906861-85-6

Владимир Ефимович Семичастный, партийный и государственный деятель, председатель КГБ в 1961–1967 годах, был из числа «молодых реформаторов», заявивших о себе во времена «оттепели» и смещенных с политического олимпа в эпоху «застоя». Первый из руководителей КГБ, кто регулярно встречался с ценными агентами советской внешней разведки, и единственный, кто в своих мемуарах подробно рассказал о работе разведчиков-нелегалов. А еще о том, как удалось избежать трансформации Карибского кризиса в третью мировую войну и какую роль в этом сыграла советская внешняя разведка. Оценивая работу разведок, противостоявших друг другу в разгар «холодной войны», он не только сравнивает их профессиональную эффективность, но и задается более глубокими вопросами – о том, морален ли шпионаж вообще, и чем государству и личности приходится платить за проникновение в чужие тайны.

УДК 355.40(47+57)

ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906861-85-6

© Семичастный В. Е., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

Предисловие	5
Государственная безопасность СССР при Шелепине и Семичастном	5
От автора	30
Начало пути	32
Восстановление Донбасса	42
Школа Хрущева	55
В ЦК ВЛКСМ	61
Борьба за власть	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Владимир Семичастный Спецслужбы СССР в тайной войне

Предисловие

Государственная безопасность СССР при Шелепине и Семичастном

*Прошедшее дает цену и указывает место настоящему,
определяя дорогу для будущего.*

*И.В. Кириевский, эпиграф журнала «Русский архив», издававшегося
с 1858 по 1917 год*

Должны ли мы, хотим ли мы знать историческую правду? ПРАВДУ об истории нашей страны? Вопрос этот, как представляется, вовсе не риторический.

Большая часть предлагаемых вниманию читателей воспоминаний Владимира Ефимовича Семичастного (1924–2001) посвящена годам его пребывания на посту председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, что он считал высшей точкой своей партийно-государственной карьеры. Однако, рассказывая об этом периоде истории нашей страны, автор мемуаров порой допускает ряд неточностей, недосказанностей, как способных ввести современного читателя в заблуждение, так и не дающих ответа на закономерно возникающие у него вопросы. А некоторые упоминаемые в мемуарах события и факты нуждаются в разъяснениях и комментариях.

В этой связи издатели посчитали целесообразным предварительно познакомить читателей с некоторыми событиями, фактами и обстоятельствами, предшествовавшими описываемым Владимиром Ефимовичем либо лишь вскользь упоминаемым мемуаристом.

13 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об образовании КГБ при Совете министров СССР.

Сам текст Указа был предельно лаконичен:

«Образовать Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

Председатель Комитета входит в состав Совета министров с правом решающего голоса».

Первым председателем КГБ был назначен генерал-полковник Иван Александрович Серов, бывший до этого заместителем министра внутренних дел СССР. Без сомнения, главную роль в этом назначении сыграла его совместная работа на Украине в 1939–1941 гг. с будущим Первым Секретарем Центрального Комитета КПСС (1953–1964 гг.) Никитой Сергеевичем Хрущевым.

В решении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза была сформулирована и главная для нового государственного ведомства задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия¹ в органах госу-

¹ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), маршал Советского Союза с 9 июля 1945 г. Участвовал в революционном движении с 1917 г. В 1921–1931 гг. занимал ряд ответственных постов в органах госбезопасности Азербайджана и Грузии, в 1931–1938 гг. – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии. С 22 августа 1938 г. – первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, с 25 ноября 1938 по 29 декабря 1945 г. – нарком внутренних дел СССР, в 1941–1945 гг. – член Государственного комитета обороны. С января 1946 г. – заместитель Председателя Совета министров СССР. Одновременно с 5 марта 1953 г. совмещал этот пост с постом министра внутренних дел СССР. 26 июня 1953 г. арестован

дарственной безопасности и добиться превращения органов госбезопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей»². Это решение, как и многие последующие инициативы и заявления Н.С. Хрущева, было продиктовано опасениями и подозрениями в отношении органов госбезопасности, по его мнению недостаточно «очистившихся от «бериевцев» и недостаточно охваченных «партийным влиянием и контролем».

Следует, однако, подчеркнуть, что образование КГБ при СМ СССР знаменовало собой действительно серьезный шаг по утверждению законности в нашей стране, хотя сам принцип законности неотделим от существующей системы права, имеющегося законодательства.

На момент образования КГБ его органы в своей деятельности должны были руководствоваться уголовными кодексами Союзных республик СССР 30-х годов. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической республики (УК РСФСР), например, был принят еще 5 марта 1926 г. Непосредственно органы госбезопасности должны были руководствоваться диспозициями составов «контрреволюционных преступлений», предусмотренных печально известной статьей 58. Она имела 18 частей – различных составов преступлений: от измены Родине, шпионажа, диверсии, вредительства, террора (терроризма) до антисоветской агитации и пропаганды (статья 58.10). В этой связи представляется необходимым отметить, что и поныне некоторые публицисты и исследователи ошибочно либо сознательно отождествляют КГБ с его оставившими по себе недобрую память историческими предшественниками – НКВД – НКГБ и МГБ СССР.

Почему же во второй половине XX века КГБ СССР считался – и вполне заслуженно считался! – одной из сильнейших спецслужб мира?

Основная причина этого заключена, на наш взгляд, в его структуре и функциях, объединявших многие направления обеспечения безопасности страны – разведку, контрразведку, военную контрразведку, борьбу с терроризмом, диверсиями и вредительством, охрану государственных тайн и государственных границ СССР, раскрытие и расследование преступных посягательств, что создавало организационные, функциональные и управленческие предпосылки для достижения максимального аккумулирующего результата вследствие известного синергетического эффекта.

Следует, однако, также подчеркнуть, что образование КГБ при СМ СССР сопровождалось тяжелой «родовой травмой» – раскрытием многочисленных фактов нарушений законности, вершившихся его историческими предшественниками – НКВД, НКГБ и МГБ в 1930 – начале 1950-х годов, вскрывшихся в 1953–1955 гг., еще задолго до известного «секретного» доклада Н.С. Хрущева перед делегатами XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г.

Сразу после сообщения об аресте Л.П. Берия как «врага народа» (сообщение появилось в печати только 10 июля 1953 г.) в органы прокуратуры и ЦК КПСС стали поступать многочисленные заявления и жалобы осужденных и их родственников по поводу пересмотра уголовных дел и применения незаконных методов в процессе ведения следствия.

В записке в Президиум ЦК от 19 марта 1954 г. Прокурора СССР Р.А. Руденко и министра внутренних дел С.Н. Круглова отмечалось, что с августа 1953 по 1 марта 1954 г. в органы прокуратуры поступило 78 982 обращения граждан с ходатайствами о пересмотре их уголовных дел, в связи с чем предлагалось создать специальную комиссию по пересмотру дел осужденных, в том числе – и за «контрреволюционные» преступления. В этой записке также сообщалось, что в данный момент времени в лагерях, колониях и тюрьмах содержалось 467

на заседании Президиума ЦК КПСС. В декабре 1953 г. осужден и приговорен к высшей мере наказания за «совершение ряда антигосударственных преступлений». Не реабилитирован. Подробнее см.: Хлобустов О.М. КГБ СССР: 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2012, с. 35–62.

² Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. Документы. М., 2003. М., с. 151.

946 осужденных за «контрреволюционные преступления» граждан, немалую долю среди которых составляли предатели, каратели и пособники немецко-фашистских оккупантов, а также выявленные агенты иностранных спецслужб.

По запросу Президиума ЦК КПСС МВД были представлены статистические данные об общем количестве репрессированных в СССР.

Статистические данные о количестве арестованных и осужденных по материалам органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР в 1921–1953 гг.

По делам органов ВЧК – ОГПУ за 1921–1929 годы

Годы	Всего арестовано	За к/р преступления	В т.ч. за антисоветскую агитацию	Другие преступления	Всего осуждено	В т.ч. к ВМН**
1921	200 271	76 820		123 451	35 829	9 701
1922	119 329	45 405		73 924	6 003	1 962
1923	104 520	57 289	5 322	47 231	4 794	414
1924	92 849	74 055		18 794	12 425	2 550
1925	72 658	52 033		20 625	15 995	2 433
1926	62 817	30 676		32 141	17 804	990
1927	76 983	48 883		28 100	26 036	2 363
1928	112 803	72 186		72 186	33 757	869
1929	162 726	132 799	51 396	29 927	56 220	2 109
Итого	1 004 956	590 146	56 718	414 810	208 863	23 391

* Имеются ввиду «контрреволюционные преступления» – ст. 58 УК РСФСР 1926 г. и аналогичные статьи уголовных кодексов союзных республик. Антисоветская агитация и пропаганда – статья 58–10 УК РСФСР.

** ВМН – «высшая мера наказания» – расстрел.

По делам органов ОГПУ – НКВД за 1930–1936 годы

Годы	Всего арестовано	За к/р преступления	В т.ч. за антисоветскую агитацию	Др. преступления	Всего осуждено	В т.ч. к ВМН
1930	331 544	266 679	?	64 865	208 069	20 201
1931	479 065	343 734	100 963	135 331	180 696	10 851
1932	410 433	195 540	23 484	214 893	141 919	2 728
1933	505 256	283 029	32 370	222 227	239 664	2 154
1934	205 173	90 417	16 788	114 756	78 999	2 056
1935	193 083	180 935	43 686	84 148	267 076	1 229
1936	113 168	91 127	32 110	40 041	274 670	1 118
Итого	2 225 722	1 379 461	249 401	876 261	697 690	40 137

По делам органов НКВД за 1937–1938 годы

Годы	Всего арестовано	За к/р преступления	В т.ч. за антисоветскую агитацию	Др. преступления	Всего осуждено	В т.ч. к ВМН
1937	936 750	779 056	234 301	157 694	790 685	353 074
1938	638 609	593 326	57 366	45 183	554 258	326 618
Итого	1 575 259	1 372 382	291 667	202 877	1 344 926	681 692

По делам органов НКВД – НКГБ – МГБ за 1939–1953 годы

Годы	Всего осуждено за к/р преступления	В т.ч. за антисоветскую агитацию по ст. 58-10	ВМН
1939	63 889	24 720	2 552
1940	71 896	18 371	1 649
1941	75 411	35 118	8 001
1942	124 406	61 825	23 278
1943	78 441	24 089	3 579
1944	75 109	14 130	3 029
1945	123 248	14 868	4 252
1946	123 294	15 512	2 896
1947	78 810	8 391	1 105
1948	73 269	8 496	
1949	75 125	14 768	
1950	80 641	13 191	475
1951	54 775	11 354	1 609
1952	28 800	6 348	1 612
1953 (1-е полугодие)	8 403	3 248	198
Итого	1 115 427	274 125	54 235

При этом в отношении некоторых лиц подобные судебные и несудебные решения принимались неоднократно, в связи с чем реальное число осужденных несколько меньше числа принятых решений.

Всего же, согласно записке в ЦК КПСС «Об антиконституционной практике 30-х – 40-х и начала 50-х годов», подписанной секретарями ЦУ КПСС А.Н. Яковлевым, В.М. Чебриковым и председателем КГБ СССР В.А. Крючковым, за указанный период уголовным репрессиям в судебном и несудебном порядке (республиканскими и областными «тройками» и «Особым совещанием» при наркомате/министрах внутренних дел и госбезопасности) было подвергнуто 3 778 234 человека, в том числе 786 098 человек были приговорены к расстрелу.

Из общего числа 1 115 427 осужденных за контрреволюционные преступления в период 1939 – первую половину 1953 гг. на годы Великой Отечественной войны приходится 476 617 осужденных³.

Помимо этого были депортированы из мест постоянного проживания в 1939–1949 гг. (поляки, украинцы, немцы Поволжья, ингуши, чеченцы, карачаевцы, турки-месхитинцы, калмыки и представители иных национальностей) около 2 300 тысяч человек⁴.

На основании предложения Прокурора СССР Р.А. Руденко и министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова Президиумом ЦК КПСС в мае 1954 г. было принято решение об образовании Центральной комиссии по рассмотрению жалоб и ходатайств граждан, осужденных за «контрреволюционные» преступления, в которую входили работники прокуратуры, следователи, партийные работники. Эта комиссия была наделена правом пересмотра приговоров осужденным Коллегией ОГПУ, а также Особым Совещанием (ОСО) НКВД – МГБ СССР. Помимо этого, были образованы Выездные комиссии Президиума Верховного Совета СССР (всего их было образовано 97), наделенные правом объявления амнистии в отношении осужденных рядовых граждан и коммунистов, но не номенклатурных партийных работников.

Как докладывал Президиуму ЦК КПСС 29 апреля 1955 г. Прокурор СССР Р.А. Руденко, по результатам проведенной комиссиями работы были пересмотрены уголовные дела на 237

³ Подробнее см.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. М., 2000, с. 431–434; Реабилитация: Как это было. Март 1953 – февраль 1956. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. М., 2000, с. 76–77.

⁴ Реабилитация: Как это было. Середина 80-х годов – 1991 год. М., 2004, т. 3, с. 142–154. Подробнее см.: Хлобустов О.М. КГБ СССР: 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2012, с. 366–393.

412 осужденных граждан, при этом было отказано в смягчении наказания 125 202 проходившим по ним лицам.

В связи с выявленными в процессе пересмотра уголовных дел многочисленными фактами нарушений социалистической законности, в конце 1955 г. была образована специальная Комиссия Президиума ЦК КПСС во главе с секретарями ЦК П.Н. Поспеловым и А.Б. Аристовым для изучения и оценки деятельности органов НКВД – НКГБ – МГБ – МВД СССР в 30-е – 50-е годы,⁵ результаты работы которой и стали основой для подготовки доклада Н.С. Хрущева делегатам XX партийного съезда.

Подчеркнем и следующие важные обстоятельства: по вскрывавшимся в процессе пересмотра уголовных дел фактам, а также по результатам следствия в отношении высокопоставленных работников органов госбезопасности началось выявление и привлечение к ответственности лиц, непосредственно виновных в грубых нарушениях социалистической законности⁶.

14 февраля 1956 г. в Большом Кремлевском дворце начал свою работу XX съезд КПСС, ставший, в силу целого ряда причин, одной из рубежных дат в истории нашей страны в XX веке.

На съезде были обнародованы новые принципы внешней политики СССР. Принцип мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством был конкретизирован констатацией возможности отказа от войн, их предотвращения. В то же время была отмечена неизбежность острой идеологической борьбы между двумя социальными системами – миром социализма и миром капитализма. Напомним, что Соединенные Штаты Америки в тот период во внешнеполитической сфере вполне официально руководствовались доктриной «отбрасывания коммунизма».

Следует особо подчеркнуть, что одобренные съездом основы внешней политики СССР не остались лишь политическими декларациями, а последовательно реализовывались в дипломатических и политических акциях советского правительства.

Нисколько не умаляя значения внешнеполитических инициатив Советского Союза, следует подчеркнуть, что наибольший политический резонанс за рубежом, а также оживленные, порой жесткие дискуссии и полярные оценки в нашей стране все же вызвали вопросы внутренней политики, в том числе связанные с разоблачением преступлений предыдущих десятилетий.

В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду партии критика культа личности И.В. Сталина и породивших его ошибок в государственном строительстве и управлении прозвучала лишь в третьей части доклада, да и то достаточно обтекаемо. В частности, Н.С. Хрущев подчеркивал:

«– Опыт показывает, что малейшее ослабление социалистической законности враги Советского государства пытаются использовать для своей подлой, подрывной работы. Так действовала разоблаченная партией банда Берия, которая пыталась вывести органы государственной безопасности из-под контроля партии и Советской власти, поставить их над Партией и Правительством, создать в этих органах обстановку беззакония и произвола. Во враждебных целях эта шайка фабриковала лживые обвинительные материалы на честных руководящих работниках и рядовых советских граждан...»

Центральный Комитет принял меры к тому, чтобы восстановить справедливость. По предложению Центрального Комитета невинно осужденные люди были реабилитированы. Из всего этого ЦК сделал серьезные выводы. Установлен надлежащий контроль Партии

⁵ Подробнее о работе этой комиссии см.: Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. М., 2003; Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.

⁶ См., например, Смирнов Н.Г. Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. М., 2014.

и Правительства за работой органов госбезопасности. Проведена значительная работа по укреплению проверенными кадрами органов госбезопасности, суда и прокуратуры. Полностью восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор.

Необходимо, чтобы наши партийные, государственные, профсоюзные организации бдительно стояли на страже советских законов, разоблачали и выводили на чистую воду всякого, кто посягнет на социалистический правопорядок и права советских граждан, сурово пресекать малейшее проявление беззакония и произвола.

Следует сказать, что в связи с пересмотром и отменой ряда дел у некоторых товарищей стало проявляться известное недоверие к работникам органов государственной безопасности. Это, конечно, неправильно и очень вредно. Мы знаем, что кадры наших чекистов в подавляющем своем большинстве состоят из честных, преданных нашему общему делу работников, и доверяем этим кадрам.

Нельзя забывать, что враги всегда пытались и будут пытаться впредь мешать великому делу построения коммунизма. Капиталистическое окружение засылало к нам немало шпионов и диверсантов. Наивным было бы полагать, что теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нам. Всем известно, что подрывная деятельность против нашей страны открыто поддерживается и афишируется реакционными кругами ряда капиталистических государств. Достаточно сказать, что США выделяют, начиная с 1951 года, 100 миллионов долларов ежегодно для подрывной деятельности против социалистических стран⁷. Поэтому мы должны всемерно поднимать в советском народе революционную бдительность, укреплять органы государственной безопасности».

Однако, как свидетельствуют многие современники, в том числе и сам Владимир Ефимович, именно Н.С. Хрущев в немалой степени страдал «известным недоверием к работникам органов государственной безопасности».

В то же время в числе важнейших задач, сформулированных в отчетном докладе ЦК КПСС, требовалось: «Бдительно следить за происками тех кругов, которые не заинтересованы в смягчении международной напряженности, своевременно разоблачать подрывные действия противников мира и безопасности народов.

Принимать необходимые меры для дальнейшего укрепления оборонной мощи нашего государства, держать нашу оборону на уровне современной военной техники и науки, обеспечивающем безопасность нашего социалистического государства».

Не объявленный заранее в повестке работы и неожиданный для делегатов съезда доклад Н.С. Хрущева «О культе личности И.В.Сталина и его последствиях», сделанный 25 февраля, то есть уже после завершения его работы, и взорвал, и расколол советское общество, а затем – и международное коммунистическое движение. О чем также упоминается в мемуарах В.Е. Семичастного.

Следует, однако, сразу пояснить, что, несмотря на его закрытый – не для печати! – характер, текст доклада Хрущева после съезда в качестве закрытого документа ЦК КПСС в начале марта был разослан во все партийные организации и зачитывался на собраниях партийно-советского актива. Таким образом, с его содержанием познакомились десятки миллионов советских граждан. Был он, в несколько сокращенном варианте, отправлен для ознакомления и руководству зарубежных коммунистических партий. И именно по этой причине вскоре стал достоянием всего мира: в Варшаве его фотокопия, как стало впоследствии известно, обозревателем агентства ПАП Виктором Граевским (1925–2007) была передана сотруднику израильской «Службы общей безопасности» («ШАБАК»). А последняя вскоре поделилась ей с ЦРУ США.

⁷ Речь идет о законе США 165 «О взаимном обеспечении безопасности» от 10 октября 1951 г.

4 июня 1956 г. доклад был одновременно опубликован в США Государственным департаментом и газетой «Нью-Йорк таймс», а затем начал зачитываться в передачах контролировавшихся ЦРУ радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа».

Позднее, в книге «Искусство разведки» (1963 г.), бывший директор Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) США Аллен Даллес писал: «Я всегда рассматривал это дело как одну из самых крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке. Поскольку доклад был полностью опубликован госдепартаментом, добывание его текста было также одним из тех немногих подвигов, о которых можно было сказать открыто, лишь бы источники и методы приобретения документа продолжали оставаться тайной». (При этом он скромно умолчал, что текст доклада Хрущева был добыт не ЦРУ.)

Как вспоминал бывший в ту пору заместителем директора Центрального разведывательного управления Рей Клайн, «Выступление Хрущева стало событием исторического значения, ибо документировано обличив сталинизм как невиданных размеров политическое зло, он был вынужден перейти к более мягким формам тоталитарного управления страной»⁸.

Естественно, что многие положения доклада или их интерпретации начали активно использоваться в антисоветской и антикоммунистической пропаганде как за рубежом, так и в самом СССР, других социалистических странах, что привело к серьезным политическим кризисам осени 1956 г. в Польской Народной Республике и Венгерской Народной Республике.

А 25 февраля 1956 г., обращаясь к делегатам съезда, Н.С. Хрущев пророчески предрек: – Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии.

Первый секретарь ЦК КПСС подчеркивал необходимость «серьезно разобраться и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но казалось ему... противоречащим его установкам».

В период 1935–1938 годов, неслось с трибуны съезда, «сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые самые трудные годы индустриализации и коллективизации... Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии».

Хрущев информировал делегатов съезда, что рассмотрение ЦК КПСС в 1953–1955 годах ряда уголовных дел в отношении репрессированных лиц «обнаружило неприглядную картину грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина». Признававшиеся «враги народа» в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись... Но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения... Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные.

⁸ Цитируется по: *Клайн Р.* ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. New-York, 1989, с. 242–244. Сразу оговорюсь, что автору, естественно, известна получившая популярность в нашей стране книга американского профессора Гровера Ферра (Furr Grover) «Антисталинская подлость» (в англоязычном варианте ее заглавие звучит даже более категорично: «Хрущев лгал!» («Khrutchev Lied»)). Однако не следует легкомысленно воспринимать на веру слова Г. Ферра о том, что «из всех утверждений «закрытого доклада» партии, разоблачавших Сталина или Берия, не оказалось ни одного правдивого». Но то, что можно объяснить и простить зарубежному автору, не может не удивлять у некоторых наших соотечественников.

Достаточно сказать, что с 1954 г. по настоящее время Военная Коллегия Верховного Суда уже реабилитировала 7 679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно».

Репрессии, массовые аресты, делал вывод докладчик, «нанесли огромный ущерб нашей стране, делу строительства социализма... Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы».

По докладу Н.С. Хрущева съезд поручил вновь избранному Центральному комитету КПСС «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности руководства».

Доклад Н.С. Хрущева, отмечал его современник, «произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовищных репрессий... Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране... В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Tактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения... Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности».

И для многих чекистов, пришедших на службу в органы НКВД в 1938–1941 гг., признания Н.С. Хрущева были трагическими, тяжелыми открытиями, которые не могли не вызывать смятения, тяжких и горестных дум и размышлений.

Увы, трагедия состояла еще и в том, что партийное руководство не продумало того, а что же должно последовать с его стороны за докладом о преступлениях предыдущей эпохи?

Вследствие этого Президиум ЦК КПСС, Хрущев утратили инициативу – Постановление ЦК о преодолении последствий культа личности Сталина появилось только 5 июля 1956 г., через месяц после того, как «секретный» доклад начал зачитываться в передачах радиостанций, вещавших на СССР и страны народной демократии на языках населяющих их народов...

Как вспоминал заместитель председателя КГБ при СМ СССР (1956–1959 гг.) генерал-полковник С.С. Бельченко, чекисты, имевшие пятнадцатилетний стаж службы были ошеломлены не менее других наших сограждан. Они обоснованно полагали, что за этим могли последовать серьезные события в стране. Как это и произошло, в частности, в Тбилиси, где 6 марта 1956 г. начались массовые протестные акции.

В этой связи в Тбилиси экстренно вылетела группа «ответственных работников», в том числе первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин, заместитель председателя КГБ С.С. Бельченко, заместитель министра внутренних дел СССР С.Н. Переверткин, что показывает, сколь серьезное значение Н.С. Хрущев придавал спровоцированному его же докладом событию.

К утру 8 марта Тбилиси оказался частично парализованным: толпы горожан направлялись на площадь, общественный транспорт блокировался, многие не вышли на работу, вовлеченные в бестолковый водоворот непонятных и непредсказуемых событий. Особенно активно на происходящую «несправедливость» и «попрание чувства национального достоинства» реагировала молодежь, многие годы воспитывавшаяся на примерах жизни «отца народов».

Собравшиеся на центральной площади горожане потребовали выступления первого секретаря ЦК Компартии Грузии «по вопросу текущей политики и в связи с решениями XX съезда». К чести Василия Павловича Мжаванадзе надо сказать, что, в отличие от других партийных работников, оказывавшихся в подобных непредвиденных чрезвычайных ситуациях, участник советско-финской и Великой Отечественной войн в 12 часов дня вышел к митингующим и начал с ними диалог с целью предупреждения эскалации напряженности и недопущения массовых беспорядков.

Понятно, что столь неординарная массовая политическая активность привлекает людей с разными целями и настроениями – от любопытствующих и зевак до карманников и авантюристов всех мастей, в том числе политических, а также людей, считающих себя «обойденными», «пострадавшими», всех недовольных или считающих себя кем-то или чем-то обиженными⁹.

Порой разливающие при массовом скоплении народа волны возбуждения, эйфории и кажущегося единомыслия выносят подобных авантюристов, провокаторов и «правдоискателей»-разоблачителей на самый гребень событий, превращая их в «факиров на час».

А в подогреваемой алкогольными, а ныне – и наркотическими, парами толпе уже начинают всю работу чисто психологические механизмы *подражания, возбуждения, заражения*, ведущие к появлению чувства эйфории и безнаказанности, снижению уровня критичности и самоконтроля, чреватые вовлечением в противоправные и даже преступные действия.

9 марта, вспоминая С.С. Бельченко, отдельные ораторы, окрыленные достигнутыми накануне «уступками», стали выдвигать политические требования – от отставки республиканских и союзных властей до выхода Грузии из состава СССР; вполне понятно, что последний бредовый призыв никак не мог получить поддержки в то время. В то же время отдельные личности выкрикивали и призывы – от «Бить армян!» до «Вон отсюда русских!».

В ночь на 10 марта группа демонстрантов попыталась захватить здание телеграфа, где для отражения нападения было применено оружие. В ходе этого спровоцированного столкновения, по данным МВД Грузии, 22 человека погибли (включая семерых раненных, скончавшихся в больницах) и 54 человека были ранены. За участие в массовых беспорядках было задержано 375 человек (39 из них впоследствии были осуждены).

10 марта внутренние войска и войска Северо-Кавказского военного округа восстановили в городе обычный порядок, омраченный произошедшей накануне трагедией...

Принятое только в июле постановление ЦК КПСС «О преодолении последствий культа личности Сталина», («Правда» 5 июля 1956 г.) имело достаточно противоречивый характер, не отвечало в полной мере на многие актуальные вопросы, что не могло не породить как разного рода слухи, так и недоумение, что искусно стимулировалось, инспирировалось и использовалось западной радиопропагандой. Именно половинчатость принятых партийных решений и породила в интеллектуальных кругах общества дискуссию о сталинизме и путях дальнейшего общественного развития, что стало лейтмотивом, главной темой духовно-творческих исканий, причиной появления в последующие годы «демократического» и «правозащитного» движений в Советском Союзе.

⁹ Подробнее см.: *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. Бельченко Сергей Саввич (1902–2002), генерал-полковник. В Красной Армии с 1924 г., с 1927 г. – в пограничных войсках ОГПУ, принимал участие в боях с басмачами. С ноября 1939 г. – заместитель, начальник Белостокского управления НКВД Белорусской ССР. С июня 1941 г. – заместитель начальника особого отдела Юго-Западного фронта. С мая 1942 г. – начальник Западного штаба партизанского движения, с 1943 г. – заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения. В 1943–1953 гг. – народный комиссар/министр госбезопасности Белорусской ССР. С 1957 г. – заместитель председателя КГБ СССР. С 1959 г. – в отставке.

Начатая докладом Н.С. Хрущева дискуссия о судьбе и путях развития социализма привела, как известно, к возникновению острых политических кризисов в Польше и Венгрии в октябре 1956 г.

Еще одним непосредственным итогом непродуманных, волюнтаристских решений стало то, что под лозунгом «исключить возможность возврата к 1937 году», в нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом, правоохранительным органам – прокуратуре, МВД и КГБ было *запрещено получать* компрометирующие материалы на представителей партийно-советской номенклатуры. Правда, подобное решение принималось еще и ранее, в декабре 1938 г., но тогда номенклатура не могла чувствовать себя в безопасности перед грозными очами генсека ЦК ВКП(б) И.В. Сталина.

Это ошибочное, а также *антиконституционное, противоправное политическое решение* 1956 г. положило начало росту коррупции, зарождению организованной преступности в стране, ибо вывело значительные контингенты лиц, наделенных административными властно-распорядительными, контрольными и хозяйственными полномочиями, из-под контроля не только органов КГБ СССР, но и всех правоохранительных органов.

С одной стороны, создавая некое подобие касты «неприкасаемых», оно в то же время, способствовало зарождению «телефонного права», получившего особое распространение в середине 80-х – 90-х годов прошлого века. С другой стороны, это решение и его реализация на практике облегчали зарубежным спецслужбам попытки вербовочных подходов и оперативной разработки партийно-государственных функционеров различного ранга. Вследствие чего руководящая элита страны оказалась без должного контрразведывательного прикрытия от разведывательно-подрывных устремлений и воздействия спецслужб иностранных государств. А в совокупности оно имело самые негативные последствия для судьбы страны и советского государства.

В то же время нельзя забывать, что в международных отношениях это был период «холодной войны», когда Соединенные Штаты Америки небезосновательно видели в лице Советского Союза главного геополитического конкурента, выдвигавшего альтернативную концепцию цивилизационного развития, а в области внешней политики откровенно руководствовались доктриной «отбрасывания коммунизма» (официально она была провозглашена президентом Д. Эйзенхауэром 14 февраля 1953 г.). Однако далеко не всегда разработанные КГБ при СМ СССР предложения находили поддержку у членов Президиума ЦК КПСС.

Как информировал ЦК КПСС (Н.С. Хрущева) в июне 1957 г. председатель КГБ И.А. Серов, «За последние три года органами госбезопасности при активной помощи советского народа были пойманы на советской территории десятки шпионов, проникавших нелегальным путем (морем, воздухом, через сухопутные границы), у которых были изъяты радиостанции, оружие, фотоаппараты, средства тайнописи, яды, фиктивные документы и значительные суммы советских денег и иностранной валюты. По изъятым у этих шпионов документам и по их личным показаниям, а также по материалам, полученным нами из других источников, видно, что разведки капиталистических государств всеми силами стремятся добывать сведения о наших вооруженных силах, о новой технике и достижениях советской науки, пытаются проникнуть в важные промышленные центры страны и объекты оборонного значения и атомной промышленности.

Наряду с заброской специально обученной агентуры на территорию Советского Союза, вражеские разведки принимают активные меры к сбору разведывательных данных через своих разведчиков, прибывающих в СССР под видом дипломатов, туристов и членов различных делегаций.

В этих целях они используют не только поездки по стране, но и новейшую технику, рассчитанную на добычу секретных данных большой государственной важности.

С тем чтобы сорвать разведывательные планы противника, органы госбезопасности принимают необходимые меры к пресечению шпионской деятельности вражеских разведчиков, а также к выдворению из СССР дипломатов-разведчиков»¹⁰.

Здесь будет уместно привести фрагменты выступления заместителя директора ЦРУ Дэвида Коэна перед старшекурсниками Корнелльского университета (Итака, штат Нью-Йорк) в начале сентября 2015 г. В нем он подчеркивал, что агентурная разведка «всегда была сердцем деятельности ЦРУ. Технические средства разведки не являются столь же эффективными, поскольку они не в состоянии предугадать намерения человека или правительств».

Если смотреть в будущее, констатировал Дэвид Коэн, то остается мало сомнений в том, что агентурная разведка будет продолжать играть главную роль в раскрытии планов, мотивов действий, намерений и возможностей растущего множества наших государственных и негосударственных противников. На самом деле значение агентурной разведки в процессе сбора разведывательных данных различными методами будет только расти¹¹.

В той же записке в ЦК КПСС председатель КГБ СССР Серов отмечал: «В своих разведывательных целях американская разведка использует многочисленные эмигрантские организации, в том числе т. н. «Национальный трудовой союз» (НТС), «Организацию украинских националистов» (ОУН) и другие антисоветские организации.

Направляя антисоветские эмигрантские организации на борьбу против СССР и стран народной демократии, американская разведка затрачивает огромные средства на их содержание. Как известно, США ежегодно ассигнуют более 100 млн. долларов для подрывной деятельности против социалистических стран...

Организуя подрывную работу против Советского Союза, американская разведка рассчитывает на использование отдельных вражеских элементов внутри нашей страны и создание с их помощью антисоветского подполья.

Органы госбезопасности за последние три года вскрыли ряд антисоветских групп, проводивших подрывную работу и поддерживавших связь с некоторыми иностранными посольствами в Москве.

В условиях обострения международной обстановки и разгула реакции в странах империализма, оживления антинародной деятельности контрреволюционных элементов в некоторых странах народной демократии, капиталистические разведки усилили враждебную деятельность против Советского Союза, широко используя в этих целях все имеющиеся у них возможности, в том числе и разного рода шпионско-эмигрантские центры...

Враждебные действия и враждебная пропаганда разведок капиталистических государств вызвали надежду на восстановление капиталистического строя у скрытых врагов социализма, которые после венгерских событий несколько оживились и активизировали свою деятельность... ведут работу против партии, используя в этих целях неустойчивых и политически незрелых лиц из числа рабочих, интеллигенции, молодежи, призывая их к борьбе против советской власти...

Органы госбезопасности с помощью партийных, комсомольских и профсоюзных организаций бдительно следят за происками враждебных элементов и, в соответствии с законами советской власти, своевременно пресекают их преступные действия».

Понятно, что «тон» в международном разведывательном сообществе, противостоявшем СССР, задавали спецслужбы ведущей западной сверхдержавы – Соединенных Штатов Америки, имевшие как собственную агрессивно-наступательную внешнеполитическую

¹⁰ Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. Документы. М., 2003. М., с. 690–691.

¹¹ Иванов В. Что ждет парней с «виргинской фермы» // Независимое военное обозрение, М., 2015, № 36, 2–8 октября.

доктрину, так и астрономические государственные ассигнования на проведение тайных зарубежных операций.

Разведывательные возможности США в 1952 г. были значительно увеличены за счет создания Агентства национальной безопасности (АНБ), ответственного за радиотехническую разведку. США развернули сеть военных баз у границ Советского Союза, с позиций которых проводилась непрерывная техническая, авиационная и агентурная разведка территории СССР и его союзников.

В конце 50-х годов в посольстве США в Москве создается полноценная резидентура ЦРУ взамен ранее действовавшей *оперативной группы*.

Американское справочно-информационное издание «Центральное разведывательное управление» (1986 г.) так раскрывало содержание и назначение деятельности этих подразделений разведки:

«*Резидентура* – это подразделение ЦРУ в столице иностранного государства. Резидент – глава резидентуры, кадровый сотрудник ЦРУ, работает под прикрытием в американском посольстве. Он руководит работой оперативных работников, аналитиков и оперативно-технического персонала. Кроме того, резидент осуществляет контроль за выполнением заданий Центра и за своевременной отчетностью.

Главная задача его руководства состоит в том, чтобы уметь вдохновить людей на выполнение опасных и трудных задач, требующих от каждого нечеловеческих усилий, – другими словами, возглавить работу по выявлению наиболее засекреченных и тщательно охраняемых государственных тайн страны пребывания, а также сведений, которые нельзя получить с помощью подслушивающей аппаратуры или во время официальных дипломатических приемов, в библиотеке или с помощью прессы и которые можно добыть только через завербованных, идейно преданных источников или посредством различных технических методов получения информации.

Основная деятельность резидента ЦРУ заключается в сборе и анализе информации, свидетельствующей о намерениях той или иной страны причинить ущерб, либо каким-либо другим образом отрицательно сказаться на наших интересах в важных районах, либо даже угрожать безопасности США.

Доступ к такой информации имеет ограниченный круг лиц, и, следовательно, если секретные сведения и фиксируются на бумаге или на магнитной ленте, то они хранятся в наиболее скрытых и тщательно охраняемых тайниках противника. Поэтому резидент должен всегда идти на риск. Это требует постоянной, иногда сверхчеловеческой бдительности...

Лучшие резиденты ЦРУ имеют многолетний опыт оперативной работы».

Следует отметить, что работа в СССР и Москве считалась в ЦРУ не только наиболее ответственной, требовавшей самого высокого уровня подготовки и оперативного мастерства разведчиков, но и наиболее сложной и опасной вследствие эффективной работы советской контрразведки.

Однако вряд ли можно говорить о том, что степень реальности и масштабности угрозы разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб были адекватно восприняты и оценены тогдашним руководством страны, даже несмотря на явные успехи и достижения КГБ СССР в противоборстве с ней. И.А. Серову не хватало авторитета и интеллекта, что убедить членов Президиума ЦК КПСС задуматься о смысле, назначении и стратегии как «холодной войны», так и адекватных мерах противодействия враждебным замыслам против нашей страны. Объективности ради нельзя также не сказать и о том, что нечто подобное повторилось в нашей стране и на рубеже 1990-х годов прошлого века, горькие плоды чего мы пожинаем и поныне.

Преемникам И.А. Серова на посту Председателя КГБ при СМ СССР – А.Н. Шелепину и В.Е. Семичастному – эти качества были присущи еще в меньшей степени.

Хотя еще в 1955 г. авторы Большой Советской энциклопедии в статье «Агентурная разведка» подчеркивали: «Наряду со шпионажем А.[гентурная].р[азведка]. капиталистических государств занимается также экономической, политической и идеологической диверсией» (Т. 1, с. 291–292).

А заместитель директора ЦРУ Рэй Клайн впоследствии признавал: «Ученым известно, что судьбы народов формируются комплексом трудно улавливаемых социальных, психологических и бюрократических сил. Обычные люди, чья жизнь – к худу ли, к добру ли – зависит от игры этих сил, редко понимают это, разве что смутно и весьма поверхностно. Одной из таких сил с начала 40-х годов стала разведка». В декабре 1947 г., признавался он, «Совет национальной безопасности возложил на ЦРУ проведение тайных операций и акций психологической войны, хотя этой задачи не было указано в законе о его образовании, принятом двумя месяцами ранее»¹².

В свете сказанного трафаретно-шаблонно звучат сегодня слова из Отчетного доклада ЦК КПСС Внеочередному XXI съезду партии (27 января – 5 февраля 1959 г.): «Надо укреплять органы госбезопасности, острие которых, прежде всего, направлено против агентуры, замыслов империалистических государств».

О реализации партийных установок XX съезда и постановления «О преодолении последствий культа личности Сталина» И.А. Серов докладывал в ЦК КПСС в июне 1957 г. следующее: в КГБ: «... были приняты меры к очищению чекистских кадров от лиц, не внушающих политического доверия, нарушителей социалистической законности, от карьеристов, выполнявших вражеские установки, морально неустойчивых и малограмотных работников».

Из органов госбезопасности было уволено более 18 тыс. человек как неспособных обеспечить выполнение поставленных перед органами КГБ задач. В том числе более 2.300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные проступки.

Кроме того, за дискредитацию органов госбезопасности 40 бывших ответственных работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий.

Большую помощь в укреплении Комитета госбезопасности кадрами оказали ЦК КПСС и местные партийные органы, направившие на руководящую работу в органы госбезопасности 554 партийных и советских работника.

Из центрального аппарата Комитета госбезопасности было уволено около 2 тыс. сотрудников, из них значительное количество за нарушение советской законности и по служебному несоответствию. Из числа уволенных 48 являлись начальниками отделов и выше. Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата. На эти должности более 60 человек направлены ЦК КПСС с руководящей партийной и советской работы...

В 1955 г. штатная численность органов была дополнительно сокращена на 7 678 единиц и 7 800 офицеров переведено на положение рабочих и служащих...».

Эти цифры и факты надо сопоставить со словами Семичастного о том, что именно Шелепин начал «чистку» органов КГБ от «бериевцев». Но добавим при этом, что оба премника Серова – и Шелепин, и Семичастный – могли и просто не знать, не интересоваться подобными фактами, что целесообразно иметь в виду при чтении мемуаров.

В той же записке в ЦК КПСС И.А. Серов отмечал, что в результате предпринятых мер «Значительно улучшился качественный состав кадров органов госбезопасности. В настоящее время около 80 процентов сотрудников имеют высшее и среднее образование... Внимание всего руководящего состава и партийных организаций органов госбезопасности в

¹² Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. New-York, 1988, с. 15, 166–167.

настоящее время направлено на воспитание сотрудников в духе беспредельной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету, на привитие оперативным работникам высокой дисциплины, самоотверженности при выполнении специальных заданий, на постоянное совершенствование их чекистского мастерства, необходимого для борьбы с врагами нашей Родины»¹³.

Нельзя не сказать и еще об одной важной новации в деятельности органов КГБ СССР. Весной 1958 г. начальник Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области Н.Р. Миронов¹⁴ направил письмо Н.С. Хрущеву, в котором предлагал расширить применение в деятельности органов безопасности мер профилактического воздействия в отношении лиц, совершавших политически вредные проступки вследствие недостаточной политической грамотности. Эти предложения нашли понимание и поддержку у тогдашнего заведующего Административным отделом ЦК КПСС А.С. Желтова (курировал Вооруженные Силы, МВД и КГБ при СМ СССР), Н.С. Хрущева, первого заместителя председателя КГБ П.И. Ивашутина¹⁵ и И.А. Серова.

В приказе КГБ при СМ СССР от 15 июня 1959 г. № 00225 «О применении мер профилактического воздействия в отношении лиц, совершивших незначительные правонарушения» разъяснялось, что «профилактические меры – это личное воздействие сотрудника органов госбезопасности либо воздействие через общественные организации, печать или радио на лицо, в отношении которого принято решение предупредить его о недопустимости дальнейших антисоветских действий».

25 декабря 1958 г. новым председателем КГБ при СМ СССР, вместо назначенного начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) И.А. Серова, стал Александр Николаевич Шелепин (1918–1994). Ему было 39 лет, что, безусловно, не является недостатком, но только в том случае, если возраст сочетается с личными интеллектуальными и организаторскими достоинствами, профессиональным и жизненным опытом. А Шелепин вряд ли обладал этим необходимым для утверждения авторитета руководителя набором качеств: до этого дня он 14 лет проработал на различных аппаратных должностях в комсомоле, в том числе с 1943 г. – секретарем Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического Союза молодежи, с 1952 г. – первым секретарем ЦК ВЛКСМ. И лишь полгода – с апреля по декабрь 1958 г. – он занимал должность заведующего отделом ЦК КПСС по союзным республикам.

Его жизненный опыт и особенности служебной карьеры предполагали в большей мере не проявление самостоятельности мышления и действий, инициативы и творчества, а лишь умение *организовывать исполнение* полученных указаний. Но это и учитывалось Хрущевым при выборе кандидатуры руководителя органов госбезопасности, на посту которого он хотел иметь функционера, безропотно выполняющего любые партийные решения. Что и определило «стиль» работы нового председателя, даже не стремившегося глубоко вникать в суть важнейшей функции государственного управления. Так что вряд ли можно говорить об обос-

¹³ РГАНИ. Ф. 2, Оп. 1, Д. 224, л. 58–68.

¹⁴ Миронов Николай Романович (1913–1964) – советский партийный и государственный деятель, участник Великой Отечественной войны, генерал-майор. В 1945–1951 гг. на партийной работе на Украине, с 23 августа 1951 г. – заместитель начальника управления военной контрразведки МГБ – КГБ при СМ СССР. В 1956–1959 гг. – начальник УКГБ по Ленинградской области. С 30 мая 1959 г. – заведующий Административным отделом ЦК КПСС, курировавшим Вооруженные Силы, МВД и КГБ при СМ СССР. Погиб в авиакатастрофе 19 октября 1964 г., направляясь в Белград в составе правительственной делегации.

¹⁵ Ивашутин Петр Иванович (1909–2002) – генерал армии (1971), Герой Советского Союза (1985). В органах военной контрразведки с января 1939 г. С марта 1943 г. – начальник управления контрразведки «СМЕРШ» Юго-Западного, затем 3-го Украинского фронтов, с 1945 г. – на руководящей работе в органах безопасности. С 7 июня 1954 г. – заместитель, с 24 января 1956 г. – первый заместитель КГБ при СМ СССР. С 18 марта 1963 г. – начальник ГРУ Генерального штаба. Подробнее см.: *Хлобустов О.* Петр Ивашутин: Жизнь отдана разведке. М., 2016.

нованной целесообразности подобного кадрового решения, однако оно создавало иллюзию полного «партийного контроля» над «госбезопасностью».

В день назначения А.Н. Шелепина Председателем КГБ при СМ СССР 25 декабря 1958 г. произошло еще одно событие, имевшее важнейшее значение для функционирования этого ведомства: Верховным Советом СССР были приняты *Основы уголовного законодательства* и *Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик*.

Первый из названных документов, ставший основой для разработки новых уголовных и уголовно-процессуальных кодексов союзных республик СССР, вводил *понятие и систему особо опасных и иных государственных преступлений*. Статья 28 Основ уголовного судопроизводства СССР определяла подследственность уголовных дел по особо опасным и иным государственным преступлениям следственным подразделениям КГБ СССР. Непосредственно *компетенция КГБ в сфере правоприменения определялась уголовными и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик СССР* (новые Уголовные кодексы были введены в действие с 1 января 1961 г.). В соответствии со статьей 126 УПК РСФСР 1960 г. к компетенции (подследственности) органов КГБ были отнесены 18 составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР. В том числе: измена Родине (статья 64 УК РСФСР), шпионаж (ст. 65), террористический акт (статьи 66 и 67), диверсия (ст. 68), антисоветская агитация и пропаганда (ст. 70), организационная антисоветская деятельность (ст. 72), вредительство (ст. 73), разглашение государственной тайны (ст. 75) и утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 76), контрабанда (ст. 78) массовые беспорядки (ст. 79), незаконный переход государственной границы (ст. 83), незаконные валютные операции (ст. 88). И еще по 15 составам преступлений была предусмотрена альтернативная подследственность совместно с органами прокуратуры.

Еще одной чрезвычайно важной новацией для деятельности органов государственной безопасности стало утверждение 9 января 1959 г. Советом министров и ЦК КПСС *Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах*, ставшее основным нормативно-правовым документом до принятия 16 мая 1991 г. закона «Об органах государственной безопасности СССР».

Данное Положение, имевшее гриф «Совершенно секретно», в частности, гласило:

«1. Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите Социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственной границы СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства....»

3. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

Комитет госбезопасности при СМ СССР несет ответственность за обеспечение государственной безопасности в стране и систематически отчитывается о всей проводимой им работе перед ЦК КПСС и Советом Министров СССР, а местные органы КГБ – соответственно перед ЦК компартий союзных республик, крайкомами, обкомами, горкомами, райкомами партии и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР.

(...)

5. Комитет государственной безопасности возглавляет председатель, который утверждается ЦК КПСС и назначается Президиумом Верховного Совета СССР. Заместители председателя Комитета утверждаются ЦК КПСС и назначаются Советом Министров Союза ССР.

6. Председатель Комитета, заместители председателя в пределах своей компетенции издают приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР...

7. На Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его местные органы возлагаются:

а) разведывательная работа в капиталистических странах;

б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведывательных органов, зарубежных антисоветских центров и с их агентурой внутри страны;

в) борьба с вражеской деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри СССР;

г) контрразведывательная работа в Советской Армии, ВМФ, ГВФ, в пограничных войсках и войсках МВД с целью предупреждения проникновения в их ряды агентуры иностранных разведок и иных вражеских элементов;

д) контрразведывательная работа на специальных объектах, особо важных объектах промышленности и на транспорте;

е) охрана государственных границ Союза ССР;

ж) охрана руководителей Партии и Правительства;

з) организация и обеспечение Правительственной связи;

и) организация радиоконтрразведывательной работы и учет необходимых данных о действующих на территории страны ведомственных радиостанций;

к) разработка мобилизационных планов по развертыванию органов госбезопасности и войсковых частей Комитета и выполнение других поручений ЦК КПСС и Правительства Союза ССР...».

Статья 12 Положения гласила:

«Органы государственной безопасности во всей своей деятельности должны строго соблюдать социалистическую законность. Они обязаны использовать все предоставленные им законом права, чтобы ни один враг Советского государства не уклонился от заслуженной кары и чтобы ни один гражданин не подвергся необоснованному привлечению к ответственности. Должны сурово пресекаться нарушения социалистической законности и произвол как действия, посягающие на социалистический правопорядок и права советских граждан. Органы государственной безопасности обязаны непосредственно и через соответствующие организации принимать меры предупредительного характера в отношении тех советских граждан, которые допускают политически неправильные поступки в силу своей недостаточной политической зрелости.

Надзор за следствием в органах госбезопасности осуществляется Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами в соответствии с Положением о прокурорском надзоре в СССР».

Руководители и партийные организации органов и войск КГБ обязывались воспитывать своих сотрудников «в духе партийной принципиальности, беззаветной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине, в духе бдительности, честного отношения к делу и строжайшего соблюдения социалистической законности. Партийные организации проводят партийно-политическую и организационную работу и обеспечивают развитие деловой критики и самокритики. Партийные организации и каждый коммунист имеют право, руководствуясь уставом КПСС, сигнализировать о недостатках в работе органов государственной безопасности в соответствующие партийные органы».

Заканчивался текст Положения словами:

«Работники государственной безопасности, облеченные высоким доверием Коммунистической партии и советского народа, должны с честью выполнять возложенную на

них почетную задачу по обеспечению государственной безопасности социалистической Родины».

В одном из интервью В.Е Семичастный подчеркивал: «Со времен Шелепина органы слишком изменились в сторону либерализации. Резко сократили аппарат, упразднили почти всех уполномоченных по районам, кроме пограничных и портовых городов. Прежней силы мы уже не имели и на нее не претендовали... Хрущев и Политбюро держали органы на расстоянии, еще сказывались события, связанные с Берией. И мы сами не очень стремились вникать в такие дела, потому что понимали: наша задача другая...».

Даже сторонний наблюдатель, каковым, правда, являлся весьма информированный работник аппарата ЦК КПСС, отмечал, что «Хрущев низвел КГБ до уровня обычного министерства, его председатель А.Н. Шелепин не был даже кандидатом в члены Президиума ЦК, нередко выслушивал упреки «старших товарищей» по партии, которые он не мог профессионально грамотно парировать»,¹⁶ что подтверждается и автором воспоминаний.

Речи Шелепина были проникнуты партийным пафосом бывшего комсомольского функционера и содержали тривиальные призывы и критические замечания. Многие функции фактического руководства КГБ непосредственно лежали на его заместителях.

Если при Серове у председателя КГБ при СМ СССР было 6 заместителей, то летом 1959 г., в русле начатой «перестройки», Шелепин сократил их число до трех. При этом первым заместителем председателя КГБ остался П.И. Ивашутин. Двумя другими заместителями стали председатель КГБ Белоруссии А.И. Перепелицын и заместитель заведующего Административным отделом ЦК КПСС В.С. Тикун, ранее не имевший отношения к работе в правоохранительных органах. А.И. Перепелицын также не был «опытным профессионалом», начав свою чекистскую карьеру только в апреле 1954 г. сразу с должности заместителя председателя КГБ при СМ Белорусской ССР.

Столь кардинальная замена руководства в ведомстве, находящемся на передовой линии «холодной войны», то есть замена опытных профессионалов недостаточно компетентными «варягами», вряд ли может считаться оптимальным кадровым решением Президиума ЦК КПСС. Таким образом, основное повседневное руководство деятельностью оперативных подразделений КГБ объективно ложилось на П.И. Ивашутина.

В мае 1959 г. состоялось второе всесоюзное совещание руководящего состава органов КГБ. Как сообщала газета «Правда», в его работе приняли участие Секретарь ЦК КПСС А.И. Кириченко, министр обороны СССР Р.Я. Малиновский, председатель Верховного Суда СССР А.Ф. Горкин, министр внутренних дел И.П. Дудоров, ответственные работники ЦК КПСС и Совета министров, Прокуратуры РСФСР и СССР¹⁷.

Продолженная А.Н. Шелепиным кампания «чисток» и сокращений не лучшим образом сказывалась как на результатах оперативно-следственной работы органов КГБ, так и на морально-психологическом климате в чекистских коллективах, порождая у сотрудников горькие чувства неудовлетворенности, недооценки важности, общественно-политической значимости и сложности их работы по обеспечению безопасности государства и его граждан.

Тем не менее выступая 26 октября 1961 г. на XXII съезде КПСС, А.Н. Шелепин подчеркивал:

«Идеологи империализма открыто провозглашают, что в борьбе за мировое господство подрывная деятельность их разведок призвана сыграть видную роль. Правящие круги империалистических держав активно и цинично используют разведывательные органы в своей политике, придавая ей все более злобный и провокационный характер...»

¹⁶ Бурлацкий Ф.М. Хрущев и его советники – красные, черные, белые... М., 2002, с. 328.

¹⁷ Всесоюзное совещание руководящих работников органов государственной безопасности. Правда, 19 мая 1959 г.

Советский Союз и другие социалистические страны – это главный объект для империалистических разведок. Засылая в нашу страну своих агентов, они широко используют для шпионажа и сбора разведывательной информации наши все более расширяющиеся международные связи, и особенно туристические.

Не имея среди советского народа социальной базы для подрывной работы, они пытаются обрабатывать отдельных неустойчивых в политическом и моральном отношении наших граждан в антисоветском духе, вербовать их в качестве своих агентов, идут на всякого рода ухищрения и провокации, осуществляют диверсии на идеологическом фронте.

Учитывая все это, органы КГБ сосредотачивают свои главные усилия на разоблачении и решительном пресечении действий вражеских разведок. Эта борьба станет тем успешнее, чем выше будет бдительность советских людей, чем активнее они будут помогать органам безопасности, чем решительнее и беспощаднее вся наша общественность будет выступать против фактов политической беспечности, благодушия и ротозейства... Святая обязанность советских людей – надежно хранить партийную, государственную и военную тайну. Само собой разумеется, что не должны допускать в наших рядах шпионмании, сеющей подозрительность и недоверие среди людей.

В США очень модным сейчас является термин «разведывательный потенциал»... Но это «секретное американское оружие», образно говоря, разбивается о моральный потенциал нашей страны, о монолитное единство советского народа, его горячий патриотизм и высокую революционную бдительность».

Далее, приведя ряд фактов нарушения законности, в частности при проведении следствия, председатель КГБ заявлял, что «В органах госбезопасности полностью ликвидированы извращения в работе и нарушения социалистической законности. Решительными мерами ЦК КПСС и Советского правительства с этим покончено навсегда. Тяжкие злоупотребления, процветавшие в период культа личности, никогда, никогда не повторятся в нашей стране, в нашей партии.

Органы государственной безопасности реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций, очищены от карьеристских элементов. На работу в них партия направила большой отряд партийных, советских и комсомольских работников. Комитет государственной безопасности и его органы на местах имеют сейчас хорошо подготовленные, грамотные, беспредельно преданные партии и народу кадры, способные успешно решать сложные задачи обеспечения государственной безопасности нашей страны.

Вся деятельность органов КГБ проходит теперь под неослабным контролем Партии и Правительства, строится на полном доверии к советскому человеку, на уважении его прав и достоинства.

Никто сейчас не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию иначе, как по приговору суда...

Чекисты опираются на народ, тесно связаны с трудящимися, с широкой советской общественностью. Органы государственной безопасности – это уже не пугало, каким их пытались сделать в недалеком прошлом враги – Берия и его подручные, а подлинно народные политические органы нашей партии в прямом смысле этого слова. Исключительно большую роль в деятельности органов КГБ играют партийные организации, которые заняли достойное, подобающее им место во всей нашей работе.

Теперь чекисты могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза советского народа. Принципиально новым в работе органов государственной безопасности является то, что наряду с усилением борьбы с агентурной работой вражеских разведок они стали широко применять предупредительные и воспитательные меры в отношении тех советских граждан, кто совершает политически неправильные поступки, порой граничащие с преступлением,

но без всякого враждебного умысла, а в силу своей политической незрелости или легкомыслия. Это является, на мой взгляд, одной из форм участия органов КГБ в обеспечении воспитательной функции социалистического государства...

Советские чекисты понимают свою большую ответственность перед партией и народом, полны стремления и дальше под руководством партии всемерно укреплять органы государственной безопасности, оттачивать их острие, направленное против происков империалистических держав и их разведок...».

Как мы уже отмечали ранее, слова Шелепина о расширении роли профилактики в деятельности органов КГБ полностью соответствовали действительности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 ноября 1961 г., в связи с избранием А.Н. Шелепина секретарем ЦК КПСС, председателем КГБ был назначен Владимир Ефимович Семичастный.

А.Н. Шелепин, писал о нем бывший заместитель начальника ПГУ КГБ В.А. Кирпиченко, по общему впечатлению сотрудников КГБ, чувствовал себя на посту председателя человеком временным и не пустил глубоких корней в Комитете. А его преемник В.Е. Семичастный еще далеко не сформировался как государственный деятель, в нем было больше комсомольского задора, чем политической мудрости.

Через 2 недели после назначения Семичастного председателем КГБ при СМ СССР, президент США Джон Фиджеральд Кеннеди заявил на церемонии открытия нового здания штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли 28 ноября 1961 г.: «О ваших успехах никогда не говорят, а о ваших неудачах трубят повсюду. Ясно, что вы не можете говорить о тех операциях, которые идут хорошо. Те же, которые идут плохо, обычно говорят сами за себя». Президент США подчеркнул: «Я уверен, что вы понимаете, как важна ваша работа и как высоко будут оценены в далеком будущем ваши усилия».

К моменту назначения В.Е. Семичастного председателем КГБ СССР, он имел в своей структуре:

Первое Главное управление (ПГУ, разведка за границей – начальник А.М. Сахаровский);

Второе Главное управление (ВГУ, контрразведка – О.М. Грибанов);

Третье Главное управление (военная контрразведка – А.М. Гуськов);

Седьмое управление (наружное наблюдение – В.И. Алидин);

Восьмое Главное управление (шифровально-дешифровальное – С.Н. Лялин);

Девятое управление (охрана руководителей партии и правительства – В.Я. Чекалов);

Следственный отдел (Н.Ф. Чистяков);

Главное управление пограничных войск (ГУПВ – П.И. Зырянов);

Отдел правительственной связи (П.Н. Воронин).

В целом названная структура раскрывает функции и задачи этого государственного ведомства.

Как руководители органов безопасности страны, находящейся в состоянии «холодной войны», Семичастный и Шелепин оставили, мягко выражаясь, не слишком «добрую память» о себе у сотрудников КГБ.

По свидетельствам современников, В.Е. Семичастный ограничивался административной работой, не испытывал потребности ни в углублении специальных знаний, ни во внедрении научных достижений в организацию оперативно-служебной деятельности органов КГБ.

При Семичастном, согласно известной поговорке о «новой метле», что отражает распространенную практику «утверждения нового стиля руководства», произошел ряд изменений в руководстве Комитета госбезопасности.

Первым заместителем председателя КГБ при СМ СССР остался генерал-полковник П.И. Ивашутин (это звание Петру Ивановичу было присвоено 18 февраля 1958 г.). Именно

он фактически руководил операциями советской разведки и контрразведки и, в частности, контрразведывательным обеспечением «Стратегического оперативного мероприятия „Анадырь”», как в материалах Генерального штаба и министерства обороны СССР именовалось создание советской военной базы на Кубе в июне – октябре 1962 г.

Парадоксальным образом Семичастный в своих мемуарах даже не упоминает об операции ЦРУ США «Мангуста», целью которой являлось свержение правительства Фиделя Кастро на Кубе¹⁸.

Возможно, читателей заинтересует судьба двух ключевых фигур «Карибского кризиса», лишь вскользь упомянутых Владимиром Ефимовичем.

Полковник ГРУ Георгий Никитович Большаков (1922–1989) с 1941 по 1943 год находился в Действующей армии, был помощником начальника разведотдела дивизии. В 1943–1946 гг. обучался в Высшей разведшколе ГРУ, а в 1946–1950 гг. – в Военно-дипломатической Академии (ВДА). В 1951–1955 и 1959–1962 гг. находился в служебных командировках в США.

После возвращения – по просьбе американской стороны: ему не была прощена «неискренность» в контактах с Р. Кеннеди, причиной которой была позиция советского руководства, – в СССР в декабре 1962 г. его «делом» занялась специальная комиссия министерства обороны. Комиссия пришла к выводу, что никаких претензий к Георгию Никитовичу быть не может и что он безупречно выполнял свой служебный долг.

После увольнения из ГРУ Г.Н. Большаков работал главным редактором журнала «Советский Союз».

«Фомин» – Феклисов Александр Семенович (1914–2007), полковник. В органах госбезопасности с 1939 г., в 1940–1974 гг. – сотрудник ПГУ. Работал в легальных резидентурах в Нью-Йорке (1941–1946 гг.), Лондоне (1947–1950), Вашингтоне (1960–1964). Во время командировки в Лондон Феклисов был руководителем, по зарубежной терминологии – «оператором» Клауса Фукса.

С 1968 г. – заместитель начальника Краснознаменного института ПГУ КГБ. Его переговоры с неофициальным представителем президента США Дж. Скали помогли выяснить позицию администрации США в Карибском кризисе, получить от имени президента Дж. Кеннеди «официальные гарантии», которые строго исполнялись администрацией США.

В 1996 г. Александр Семенович Феклисов был удостоен звания Героя Российской Федерации. Автор воспоминаний «За океаном и на острове» (М., 1996) и «Признание разведчика» (М., 1999). Подробно о своих переговорах с Дж. Скали Феклисов рассказывает в первой из названных книг.

По нашему мнению, главный итог Карибского кризиса для всего мира состоял в том, что руководящие круги США внезапно осознали, что в мире появилась вторая *сверхдержава* – Советский Союз – и что отныне Вашингтону предстоит планировать, готовить и осуществлять свои внешнеполитические акции именно с учетом данного факта, с оглядкой на мнения и позицию СССР.

А это требовало пересмотра всей внешнеполитической доктрины США.

Официально новая внешнеполитическая доктрина США была провозглашена новым президентом США Линдоном Джонсоном 23 мая 1964 г... Ее официальной целью провозглашалось стремление к «ослаблению международной напряженности и устранение опасностей, связанных с „холодной войной” между государствами, придерживающимися различных идеологий». Однако подлинной задачей стратегии «наведения мостов» являлось «функциональное проникновение в советскую систему».

¹⁸ Подробнее см.: Хлобустов О. Государственная безопасность от Хрущева до Путина. СПб., 2016, с. 76–85.

Однако в своих мемуарах Семичастный не уделил должного внимания этому чрезвычайно важному вопросу. Также он даже не упомянул о появившейся в марте 1963 г. книге бывшего директора ЦРУ Алена Даллеса «The Craft of Intelligence» (не вполне корректный устоявшийся русский перевод: «Искусство разведки», хотя более верным было бы ее назвать «Мощь разведки»).

Она была адресована политическому истеблишменту западного мира и была призвана разъяснить смысл и назначение «тайной войны» против СССР.

«Начиная с 1946 г., – уверял Даллес не слишком искушенного западного читателя, – Советский Союз даже не старался делать вид, будто бы является нашим другом...». При этом он сам признавал: «мы не находимся „в мире“ с коммунистическими странами и не находились с тех пор, как коммунизм объявил войну нашему образу государственного управления и жизни» (здесь и далее цитируется издание 1964 г. издательства «Прогресс», имевшее ограничительный гриф «Рассылается по особому списку», именно с ним и знакомился председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный).

Не будем, однако, удивляться парадоксальному «незнанию» шефа ЦРУ о мирных внешнеполитических инициативах Советского Союза 1956–1963 годов, ибо они не вписывались в создаваемый им облик «империи зла»!

Ну не мог же он сообщать о том, что еще 30 марта 1954 г. СССР предложил НАТО рассмотреть вопрос о его приеме в этот военно-политический союз во имя достижения единственной цели – поддержания мира на Европейском континенте! И лишь 7 мая того же года из Парижа, где тогда находилась штаб-квартира НАТО, последовал категорический отказ от советского предложения. Тогда через год в столице Польши и родилась Организация Варшавского договора.

Конечно, откуда да и зачем западному читателю Даллеса нужно было знать о стратегии «мирного сосуществования и соревнования двух социально-политических систем», выдвинутой XX съездом КПСС в 1956 г.?!

В то же самое время, оправдывая право США на превентивные действия, ныне утверждающееся под названием «гуманитарной интервенции», примеры чего весь мир видел в марте 1999 г. в Сербии и в 2003–2008 годах в Афганистане и Ираке, в 2014–2016 гг. в Сирии, Даллес откровенно писал: «Мы же со своей стороны должны много делать и немало делаем для того, чтобы укрепить позиции слабых стран и не дать коммунистам возможности захватить их в свои руки. Безусловно, мы не можем ограничиваться лишь оборонительными действиями; в ряде случаев *мы берем инициативу в свои руки* (выделено мной. – О.Х.), заставляя коммунистов отступать и таких случаев должно быть больше».

Во многих случаях, скромно признавался Даллес, «в гораздо большем числе, чем это известно, у нас были успехи, причем некоторые из них существенные. Однако, пожалуй, еще не время афишировать эти действия или те средства, которые были использованы».

Выделим для читателя следующий крайне важный для понимания философии действия американской разведки фрагмент сочинения бывшего шефа ЦРУ: «*Мы сами должны определять, когда, где и каким образом мы должны действовать* (надо полагать, при поддержке других ведущих стран свободного мира, которые смогут оказать помощь), учитывая при этом требования нашей собственной национальной безопасности... Важную роль должны сыграть разведывательные службы с их особыми методами и средствами. *Это нечто новое для нынешнего поколения, тем не менее весьма важное для успеха дела*».

Отметим, что писалось это всего лишь через 2 года после провала высадки антиправительственного десанта кубинских «контрас» на Кубе в заливе Кочинос и через год после последующего провала операции ЦРУ «Мангуста», также предполагавшей инспирирование антикастровского восстания, что самым наглядным образом демонстрировало, какого именно рода «действия» имелись ввиду экс-директором ЦРУ США.

Раскрывая глобальный характер разведки, ведущейся США, А. Даллес подчеркивал: «В наши дни разведка вынуждена вести постоянное наблюдение во всех районах мира, независимо от того, к чему привлечено в данный момент внимание дипломатов или военных... *Обязанность разведки, – предупредить о возникающих опасностях так, чтобы правительство могло принять должные меры.* В поисках информации теперь уже нельзя ограничиваться рамками лишь некоторых стран. Ареной нашего конфликта является весь мир... Наше правительство должно быть заблаговременно предупреждено и вооружено. Бдительность разведки, заблаговременное предупреждение ею об опасности уже само по себе могло бы явиться одним из наиболее эффективных средств сдерживания воинственных appetitов потенциального противника... Разведывательный анализ должен проводиться по всем странам, где могут оказаться затронутыми наши интересы... Естественно, для нас может иметь значение политическая, экономическая и социальная обстановка в различных странах. *Обязанность разведки – объявлять тревогу до того, как ситуация приобретает кризисный характер*».

Гораздо важнее рецепты от Даллеса по спасению западного мира:

«К активным средствам против этой угрозы относится, во-первых, провозглашаемая нами внешняя политика, полную ответственность за которую несут Государственный департамент и президент.

Во-вторых, занимая оборонительную позицию, можно убедить свободный мир, что мы и наши союзники достаточно сильны и готовы решительно ответить на советские военные угрозы....

Третьим позитивным фактором является вклад, который вносит разведывательная служба. Она должна:

1) своевременно предоставлять правительству информацию о том, в каких странах коммунисты наметили начать подрывные действия;

2) внедрять агентуру в важные структуры их подрывного аппарата... предоставлять правительству анализ используемых средств, а также данные о доверенных лицах противника, проникших в состав правительства;

3) помогать странам свободного мира, насколько это возможно, в создании собственных оборонительных структур против инфильтрации коммунистов и заблаговременно предупреждать правительства этих стран о характере и размерах угрозы, а также оказывать поддержку их службам безопасности.

В тех случаях, когда это возможно, мы должны помогать правительствам, попавшим в подобного рода ситуации, и поддерживать их стремление к сопротивлению и уверенность в том, что они смогут выстоять против тоталитаризма....

Как только нам предоставится возможность оказать помощь, мы оказываем ее и поддерживаем стремление свободных стран к сопротивлению. И делаем это задолго до того, как коммунисты сумеют проникнуть в правительственные круги и процесс демонтажа строя станет необратимым....

Западные разведки должны приступать к выполнению своих задач значительно раньше, чем этим займутся военные структуры, то есть когда подрывные акции Советов еще только готовятся... Для того чтобы мы приступили к активным военным действиям, нам необходимо располагать надежными разведывательными данными о заговоре и заговорщиках и иметь под рукой требуемые средства для открытых или скрытых контрмер».

Порассуждав на тему «определенных рамок применения силы», которое должно быть «санкционировано на высшем политическом уровне», то есть президентом США, Даллес в то же время подчеркивал: «мы сами должны определить, когда, где и каким образом нам действовать, по возможности, вместе с другими ведущими государствами свободного мира, готовыми оказать такую поддержку».

Однако, к чести В.Е. Семичастного, следует отметить, что когда, в канун приближающегося очередного юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной Войне, к нему обратились 40 ветеранов-чекистов с письмом о пересмотре приговоров осужденным ранее руководителям зафронтовой работы НКВД – генералам П.А. Судоплатову и Н.И. Эйтингону,¹⁹ он направил в ЦК КПСС совместное с генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко заключение об отсутствии препятствий для их освобождения. Однако ЦК КПСС остался глух к этому обращению ветеранов войны.

Семичастный, утверждая, что «у КГБ не было никогда никаких «психушек»», забыл только упомянуть, что «Инструкция о порядке применения принудительных мер психиатрического характера в отношении психически больных, совершивших преступления», действовавшая до конца 1980-х годов, была принята в 1954 г. А процессуальный же порядок ее применения определялся статьей 58 УК РСФСР 1960 г.

Обратим также внимание на утверждение В.Е. Семичастного о том, что в годы его руководства «арестов по политическим мотивам» (имея в виду под этим иные, вполне конкретные *формы преступной деятельности* — «Организационную антисоветскую деятельность» (ст. 72 УК РСФСР) и «Антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст. 70 УК)) «почти не проводилось». Что подталкивает читателя к мысли, о том, что они якобы были в последующие годы. Чтобы предоставить читателю возможность самостоятельно оценить объективность автора мемуаров в данном вопросе, ограничимся приведением сухих данных уголовной статистики.

**Справка 5 управления КГБ СССР в ЦК КПСС о количестве лиц, осужденных по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР
(№ 5/5 – 167 от 4 марта 1988 г.)²⁰**

Статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, за период с 1956 по 1987 гг.

¹⁹ Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), генерал-лейтенант. В органах госбезопасности с 1921 г., с 1933 г. – сотрудник Иностранного отдела (разведки) НКВД СССР. С 6 ноября по 2 декабря 1938 г. выполнял обязанности начальника ИНО. В дальнейшем – заместитель начальника разведки НКВД – НКГБ. Начинал службу в органах ВЧК еще в 20-е годы, а перейдя позднее в ИНО, он неоднократно выезжал в заграничные командировки, в том числе нелегально. С началом Великой Отечественной войны П.А. Судоплатов возглавляет Особую группу при наркомате, в январе 1942 г. преобразованную в IV управление НКВД СССР, которое организовывало всю зафронтовую работу органов безопасности. После войны продолжал службу на руководящих должностях в МГБ – МВД СССР. 21 августа 1953 г. П.А. Судоплатов был арестован «как участник дела Берии и его банды» и в 1956 г. осужден на 15 лет лишения свободы. Освобожден из заключения 21 августа 1968 г. Полностью реабилитирован в 1992 г. Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981), генерал-майор. В органах ВЧК с мая 1920 г., с 1924 г. – в ИНО ОГПУ. По линии разведки работал в Китае, Турции, Испании. С июля 1941 г. – заместитель П.Л. Судоплатова. В августе 1953 г. арестован как «пособник Берии», осужден на 12 лет лишения свободы. Освобожден в августе 1964 г. Реабилитирован посмертно в 1992 г.

²⁰ Архив Президента Российской Федерации Фонд 3. Оп. 108. Д. 523, л. 27–34. Подлинник. Подробнее см.: Феномен Андропова: 30 лет из жизни Генерального секретаря ЦК КПСС. М., 2013, с. 387–402.

год	осуждено по		год	осуждено по	
	ст.70	ст.190		ст.70	ст.190
	УК РСФСР			УК РСФСР	
1956	384		1976	5	56
1957	1 964		1977	6	54
1958	1 416		1978	12	44
1959	750		1979	4	66
1960	162		1980	35	67
Всего	4 676		Всего	62	285
1961	207		1981	39	88
1962	323		1982	26	69
1963	341		1983	44	119
1964	181		1984	25	57
1965	20		1985	16	57
Всего	1 072		Всего	150	390
1966	48		1986	11	17
1967	38	65	1987	1	6
1968	54	75			
1969	72	123			
1970	83	121			
Всего	295	384			
1971	66	102			
1972	68	115			
1973	73	105			
1974	47	131			
1975	22	74			
Всего	276	527	Всего	6 543	1 609

Поправим только ряд некорректностей данного документа.

Во-первых, до 1960 г. антисоветская агитация и пропаганда подпадала под действие статьи 58–10 УК РСФСР 1926 г. Во-вторых, имеются в виду также статьи об ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду уголовных кодексов других союзных республик, аналогичные статье 70 УК РСФСР 1960 г., что касается также и статьи 190.1. В-третьих, под «статьей 190» авторами справки подразумевалась статья 190.1 – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», введенная в Уголовный кодекс Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г.

Как легко может убедиться читатель, за 8 лет руководства госбезопасностью А.Н. Шелепиным и В.Е. Семичастным к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду были привлечены 1 234 человека, тогда как за 15 лет руководства КГБ СССР Ю.В. Андроповым к уголовной ответственности по статье 70 были привлечены 474 и по статье 190.1 – 373 человека, то есть почти в два раза меньше. Всего же за тридцать семь с половиной лет существования КГБ по его материалам к уголовной ответственности было привлечено 25 095 человек. При этом в 1954–1959 гг. по статье 58 УК РСФСР (1926 г.) и аналогичным статьям уголовных кодексов республик СССР были осуждены 9 406 человек. В 1960–1990 гг. по более чем 18 составам преступлений, отнесенных к подследственности органов КГБ СССР, были осуждены 14 689 человек, 5 483 из них – за особо опасные государственные преступления.

Не более состоятельно и заявление Семичастного о «подчинении Андропову» якобы трех мотострелковых дивизий. Данный факт действительно имел место, но только в 1991 г., но это уже была, по сути дела, иная историческая эпоха.

С нескрываемой обидой Семичастный пишет о мотивах и поводе его «перевода на другую работу» с поста председателя КГБ. Но есть и иная версия этих событий. Владимир Ефимович довольно подробно рассказывает, как ряд подразделений КГБ под его личным руководством обеспечивал, можно сказать, оперативно обеспечивал бесконфликтную передачу власти новому Первому секретарю ЦК КПСС в октябре 1964 г.

Некоторые историки трактуют эти события как «заговор против Хрущева», для чего по форме, безусловно, имеются основания. Но, если исходить из примата коллегиальности в принятии партийных решений, являвшегося одним из главных принципов государственного управления, провозглашенных XX съездом КПСС, то на эти события можно взглянуть и под

иным углом зрения. На бюрократическом языке работников кадровых аппаратов это всегда именовалось «проработкой вопроса», что означало его обсуждение, в том числе и согласование с «заинтересованными инстанциями», принятие соответствующего кадрового решения.

Но, как бы ни трактовались события, предшествовавшие октябрьскому Пленуму ЦК КПСС (1964 г.), бесспорной остается вовлеченность в них ряда высших руководителей КГБ. Но этот якобы «*выход за пределы компетенции*» органов КГБ, на наш взгляд, корреспондирует с пунктом «К» статьи 7 Положения о КГБ, в котором прямо говорилось о выполнении «*других поручений ЦК КПСС и Советского правительства*».

В.Е. Семичастный пишет, что поводом его смещения со столь полюбившегося ему поста председателя КГБ явился якобы отказ дочери Сталина С.И. Аллилуевой вернуться в СССР из Индии и просьба о предоставлении ей политического убежища в США.

Однако есть и иные обстоятельства, которые представляются весьма существенными и также имеющими фактическое подтверждение в литературе.

Речь идет об уже отмечавшемся нами участии А.Н. Шелепина и В.Е. Семичастного в подготовке смещения с должности первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева.

Суть дела состоит в том, что в начале мая 1967 г. Семичастный в присутствии одного из своих заместителей на даче А.Н. Шелепина обратился к последнему с шутивным вопросом:

– А не пора ли нам, Александр Николаевич, повторить Октябрь 1964 года? (Имелось в виду смещение Н.С.Хрущева с занимаемого им поста на Пленуме ЦК КПСС 14 октября.)

Содержание этой беседы было немедленно доведено до сведения «кого следует» – благо, возможности для этого имелись, после чего незамедлительно последовали соответствующие и известные нам «оргвыводы»:

18 мая 1967 г. неожиданно для него и без объяснения причин решением Политбюро ЦК КПСС В.Е. Семичастный был снят со своего поста и в тот же вечер руководству Лубянки был представлен новый председатель КГБ при СМ СССР Юрий Владимирович Андропов.

Олег Хлобустов,
*член Общества изучения
Истории отечественных спецслужб*

От автора

Я часто слышу: «Ваша жизнь – это сама история страны. Вам надо рассказать о ней в книге». Действительно, события прошлых лет, свидетелем или участником которых мне довелось быть, представляют сегодня очевидный интерес хотя бы с точки зрения сохранения у соотечественников исторической памяти. Особенно это важно для молодежи, которая смутно помнит о том, что в мире существовала великая держава – Союз Советских Социалистических Республик.

Большая часть моей жизни была отдана работе с молодежью – комсомолу. Для меня комсомол значил все. Я человек, которого он по сути создал и сделал государственным и партийным деятелем. Там я набрался немалого опыта, научился работать с кадрами, вооружился знаниями, необходимыми для руководства людьми. Нас учили быть честными, любить свою Родину. Помните, как в песне: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!»

Сейчас заигрывают с молодыми. Но как? Всюду мелькает: «Нынешнее поколение выбирает «пепси»!» Но молодость молодости рознь. Главное, что у тебя за плечами, что в голове, ради чего бьется сердце и горит душа, какую закваску ты получил в начале пути. «Пепси» – не та основа, которую следует закладывать в умы молодым.

Молодые люди пятидесятых-шестидесятых годов с большим энтузиазмом участвовали во всех делах государства. Сейчас их участие, по существу, свелось на нет. Юноши и девушки стали опасно апатичными, их не интересует общественная жизнь. Больше привлекает то, к чему их приучили за последние годы: нажива, обогащение, личное благополучие. То, что раньше считалось постыдным, недозволенным – разврат, наркотики, рэкет, разбой, теперь стало заурядным делом.

Когда я работал в комсомоле, мощный отклик молодежи на интересную инициативу, идущую на пользу государству, был в порядке вещей и считался гражданским долгом. Не было никакой принудилочки, как теперь болтают в средствах массовой информации, а был патриотический порыв.

Если сейчас обратиться к молодежи и призвать ее на какие-то трудовые или ратные подвиги, ответит ли она на этот призыв? Боюсь, только считанные единицы. Сегодня молодежь не только не хочет идти в армию, она прячется от армии, и в этом ей помогают родители. Трудно положиться на такую молодежь. Мы проиграем любое сражение с серьезным противником. Мы уже проиграли «холодную войну», проиграли первую чеченскую войну. Мы отдали на растерзание нашу великую Родину и по сценарию, разработанному за океаном, продолжаем крушить все и вся, уступать наши богатства, принадлежащие всему народу, людям бессовестным, жадным, нечистоплотным. Мы разрешаем управлять нами неграмотным, равнодушным ко всему, кроме своего кармана, лицам. Мы проигрываем в спорах даже с теми, кто предъявляет нам необоснованные претензии.

Наш народ унижен. Молодежь, лишенная идеалов, поддержки и защиты, увязла в безыдейном болоте, и мало надежды на то, что она скоро выберется из него. Нынешние молодежные организации демонстрируют полную беспомощность. Они малочисленны и мало известны, их руководители неопытны и часто небескорыстны.

Государственные мужи мало интересуются будущим нашей молодежи, ее образованием, профессиональным уровнем, а значит, не интересуются будущим России.

У наших юношей и девушек почти нет выбора. Если они не хотят жевать жвачку, прилюдно обнажаться, «тусоваться», не хотят «рекламной» жизни, а тяготеют к жизни духовной, то куда им идти? И тысячи молодых людей идут в расплодившиеся по всей России секты.

Пока нет у молодежи спайки, пока нет объединяющего и цементирующего ее центра, остается только ждать и надеяться, что молодые прозреют, изменится их сознание, у них

появятся новые лидеры. А нам, старшему поколению, – лишь показывать им: вот, ребята, смотрите, как было раньше.

Не все можно взять из прошлого. Мы, комсомольцы, были вполне законопослушны и, бесспорно, во всем руководствовались решениями партии.

Это в определенной степени мешало молодым кадрам мыслить самостоятельно, отстаивать свое мнение, проявлять инициативу.

Иной раз приходит в голову мысль, что во всем происходящем сейчас с нашим народом повинны и партийное, и комсомольское руководство последних десятилетий Советской власти. Приучив народ поменьше думать и рассуждать, принимать государственную заботу как нечто совершенно естественное, как должное, мы разоружили людей, сделали из них иждивенцев. Думали, что так будет всегда, что за это не надо бороться. И не уберегли свои идеалы.

Сегодня такие «сентименты», как забота государства о каждом человеке, выброшены за борт.

Но народ этого не понимает и все еще чего-то ждет. Подобная общественная пассивность – тоже наша вина.

В том виде, в каком существовал комсомол, он, конечно, уже существовать не сможет. Нужно найти новые формы объединения молодых, которые освободили бы их от колоссального давления «новой» идеологии, отрицающей все то великое, что сделала молодежь в боях за Отечество и на гигантских стройках страны, лишаящей сегодняшних юношей и девушек патриотических традиций, и открыли бы перед ними новые возможности духовного и профессионального роста. Пропаганда славных комсомольских дел отцов и дедов должна быть одной из задач патриотических средств массовой информации.

В наши дни много говорится о мерах по выводу России из экономического кризиса. Но разве можно возродить страну без участия в этом процессе молодежи?

Сейчас существует острая необходимость создания молодежных объединений. В этой связи в Госдуме и в местных органах власти необходимо принять законодательные акты, дающие юридическую основу для создания молодежных союзов на предприятиях, в учебных заведениях, в армии, научных центрах и на селе. Молодежным организациям важно иметь государственную поддержку и помощь, и тогда молодежь скажет свое веское слово в борьбе за спасение своей Матери-Родины.

Начало пути

В моем паспорте в графе «национальность» записано: «украинец». Паспортист, выдавший мне документ, рассудил, видимо, так: раз парень родился и живет на Украине, учился в украинской школе, говорит, пишет и читает по-украински, следовательно, он – украинец. Я не мог тогда знать, какую роль сыграет это обстоятельство в моей судьбе, и потому не возражал.

Так я стал единственным украинцем в нашей многодетной русской семье.

Моя мать Домна Ивановна и мой отец Ефим Кириллович Семичастные – уроженцы Тульской губернии, из крестьян. Они поженились очень молодыми и вскоре после свадьбы уехали на юг России на заработки.

Вначале отец работал подсобным рабочим на мельнице, вальцовщиком, а затем освоил профессию мукомола и стал хорошим «мирошником» – мельником. Был он не очень грамотным: окончил всего три класса церковно-приходской школы.

Поскольку семья была большая – у моих родителей было одиннадцать детей, трое из которых умерли в раннем возрасте, – мать не работала и целиком занималась семьей. Писать и читать она научилась сама уже в зрелом возрасте.

В начале Первой мировой войны семья переехала в небольшое село Григорьевка Межевского района Днепропетровской области, где я и родился.

Я родился, можно сказать, дважды. По-настоящему, в первый раз – 1 января 1924 года дома, как все мои братья и сестры. Отец в это время куда-то уехал на заработки, и мать, спустя несколько дней после родов, пошла регистрировать меня в сельсовет.

Однако сельсоветовский бюрократ потребовал личного присутствия отца с документами. Пришлось ждать его возвращения. Когда мать с отцом пришли в сельсовет во второй раз и сообщили чиновнику, что младенцу уже две недели, тот заявил в ответ: «Вы мне можете говорить, что угодно. Но вы пришли 15 января, и я напишу „15 января“». Вот так я «родился» второй раз – уже 15 января. Так и в паспорте записано.

Я был последним крещеным членом нашей семьи. До моего рождения семья придерживалась православной веры. В доме висели иконы. Обе бабушки ходили в церковь.

Все изменилось в год моего появления на свет: в январе 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Партия призвала к массовому вступлению в ее ряды. Отец откликнулся на этот призыв и стал коммунистом. Это не было результатом глубокого изучения марксистской теории и его идейной убежденности. Просто отец посчитал, что Родина в нем нуждается, и сделал этот важный для себя шаг.

После вступления в партию отец сказал матери, что икон в доме больше не будет. О моем крещении он не знал или сделал вид, что не знает. Но в церковь меня не водили. Божьи заповеди, религиозные догмы я не изучал. Я не могу сказать, что я был «воинствующим безбожником» и отрицал религию потому, что она отвергалась коммунистами. Я просто не имел о ней представления так же, как и тысячи людей, родившихся в мое время или позже. Нас воспитывали иначе. Религия была мне совершенно чужда. У меня была своя вера, которая имела свою атрибутику, своих апостолов-вождей, свою иерархию.

Когда мне было пять лет, семья переселилась на станцию Удачная Межевского района Донецкой (тогда Сталинской) области. Отец как партийный «выдвиженец» был назначен заведующим мельницей.

Такие мельницы строились немцами на Украине вдоль железных дорог еще при царе. Расплачивались за них по договору мукой. Мельницы были добротные, в пять-шесть этажей, хорошо оборудованные. На территории размещались большие склады, элеватор и жилье для

управляющего и других работников. Вокруг домов посажены фруктовые деревья. Это были своего рода оазисы в глухом деревенском бездорожье.

В весенне-осеннюю хлябь провезти муку с мельницы на станцию, расположенную в ложбине, было почти невозможно – не пропускало вязкое черноземное месиво.

Тогда на Украине проживало много немцев. Во всем Советском Союзе их насчитывалось около двух миллионов. В автономной республике на Волге – примерно двести тысяч. Остальные разбросаны по всему Союзу. В Красноармейском районе было несколько немецких колоний.

В Удачной, недалеко от мельницы, располагалась немецкая колония. Там был хороший колхоз «Роте Фане» («Красное знамя»), в котором выводили лошадей и где работала своя небольшая мельница. Оттуда отец и взял к себе мирошником Клейна.

Мы дружили с этой немецкой семьей, часто ходили друг к другу в гости. Сын Клейна Миша был моим другом. У Клейнов был хороший сад и прекрасные цветы. Я помню, что мать Миши умела извлекать кончиком языка любую соринку из глаза. Однажды она таким образом извлекла маленькую стружку из глаза моего брата.

Заведующему мельницей полагалось заботиться о благоустройстве своего хозяйства. По инициативе отца около мельницы построили спортивную площадку, организовали спортивные кружки, устраивали праздничные обеды в саду на 1 Мая и 7 Ноября.

В Удачной я пошел в школу. Здесь мы пережили и тяжелый 1934 год. На Украине в то время был сильный голод. Люди падали и умирали прямо на улице. Однако мы жили на мельнице, а здесь всегда находились мука, крупа и подсолнечное масло.

Относительно всего остального, например, одежды или обуви, дело обстояло намного хуже. Идти в школу в дождь по вязкой грязи без резиновых сапог было просто невозможно. В доме была одна пара сапог, которой мы с братьями поочередно пользовались. Одежда у нас также переходила от старших к младшим. Нелегко было родителям с одной зарплатой содержать такую большую семью.

Именно в это голодное время в наш дом пришла беда. В этот год прекратился подвоз зерна из колхозов на мельницу в связи с неурожаем. Нечем было расплачиваться с рабочими, которым по договору нужно было платить половину деньгами и половину – натурой.

Отец решил выдать рабочим положенный заработок остатками муки и отрубей, которые были на мельнице. У него не было на это разрешения сверху, и кто-то написал донос «куда следует». Отца решили судить. Ему грозило 10–15 лет тюрьмы за «разбазаривание государственного имущества и использование служебного положения».

Мне тогда было уже 10 лет, и я хорошо помню тот день.

В небольшом помещении, набитом до отказа рабочими, проходило открытое заседание суда. Мать выглядела подавленной: что она будет делать одна с восемью детьми?

На суде отец заявил, что он получит необходимые оправдательные документы, если ему позволят поехать в мукомольный трест. Судьи удовлетворили его просьбу, и суд был отложен. Вскоре отец привез требуемые бумаги, дело было прекращено, и мы вздохнули с облегчением. Но оставаться на мельнице отец не захотел, и мы уехали из Удачной в город Гришино (позже Красноармейск) Донецкой области.

Отец стал работать в профсоюзах, а со временем – в торговых организациях. На семью времени постоянно не хватало. Он приходил с работы после партийных или профсоюзных собраний поздно вечером, приносил с собой газеты и принимался изучать политические вопросы. Отец был усердным, настойчивым, историю партии начинал изучать раз десять, но до конца он ее, к сожалению, так и не осилил.

За всем в семье смотрела мать. Мы, как могли, помогали ей. По сложившейся традиции старшие дети ухаживали за младшими.

Воспитанием детей занимались, главным образом, школа, детские и молодежные организации.

Я учился в школе для детей железнодорожников. Порядки там несколько отличались от обычной школы. В то время железные дороги были как бы государством в государстве. Они даже имели свои учебные заведения. Как-то в наш город заехал нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович. Руководство школы воспользовалось этим случаем и направило к нему делегацию учеников с просьбой построить новую школу. Вскоре она действительно была построена. Это было не очень большое здание, без залов, но с хорошо оборудованными учебными кабинетами. В каждом классе стояла кафедра, за которой восседал учитель – как в институте!

Преподавательский коллектив был подобран в основном из мужчин, особенно в старших классах. Работа в таких школах привлекала учителей тем, что здесь им давали форменную одежду, бесплатный проезд, уголь для отопления, квартиры были лучше, чем в обычных городских школах. Многие учителя пришли к нам сразу после института – комсомольцы и молодые партийцы. Комсомольская организация тогда была единой, и молодые учителя состояли на учете в школьном комитете. Образовался хорошо спаянный коллектив комсомольцев-преподавателей и комсомольцев-учеников. Он с успехом обеспечивал высокую успеваемость, порядок и дисциплину в школе.

В 1939 году я стал членом Коммунистического союза молодежи и вскоре был избран секретарем комитета комсомола. Это было новшество, так как до этого во главе комсомольской организации школы стояла учительница – освобожденный секретарь, которой платили заработную плату. Однако теперь эту практику отменили.

Мне необходимо было выполнять все школьные задания и успевать с моими комсомольскими делами. Предыдущий освобожденный секретарь был членом педсовета, и эта его обязанность перешла ко мне. У меня в школе был даже свой рабочий кабинет.

Я уходил в школу в восемь часов утра и возвращался не раньше девяти вечера. Учился на «отлично». Правда, были некоторые сложности с немецким языком, но когда в десятом классе нам дали учителя-немца, дело поправилось.

В 1940 году «Пионерская правда» объявила игру «На штурм», и наша школа включилась в нее. Руководил проведением игры наш военрук, а помогали ему командиры из военкомата. Весь ученический коллектив был преобразован в батальон. Каждый класс представлял собою взвод. Был свой штаб, свой политотдел, свои комиссары.

Начиная с пятого класса все учились маршировать, стрелять из мелкокалиберных винтовок, изучали топографию. Девушки проходили медицинскую подготовку. Дело доходило до смешного: когда я шел по коридору, учащиеся должны были со мною здороваться по-военному: я был командиром батальона.

В моих руках сосредоточилась определенная власть, подчас равносильная власти директора школы. Поэтому часто родителей учеников, которые нарушали дисциплину или плохо учились, приглашали не к учителю или директору, а в «политотдел», где с ними разговаривали ученики старших классов, так называемые «политработники». А в особо серьезных случаях их направляли прямо ко мне.

Авторитет школы стремительно возрос, успеваемость резко повысилась. Директор приходил на заседания штаба, комсомольские собрания, советовался с нами по самым разным вопросам, в том числе и по финансовым. Все порядки устанавливались при нашем непосредственном участии.

Примечательно, что при всей той грязи и бездорожье, которые царили в городе, никто не смел войти в школу в грязной обуви. Перед началом занятий ребята протирали панели и полы, и вся школа блестела, как умытая. Она стала вторым домом для ребят. Они были заняты здесь целый день.

Под наблюдением командиров мы иногда организовывали игровые «бои» между батальонами. Наш батальон «воевал» с батальоном соседней школы. Оружие было вырезано из дерева, но организация «боя» была близка к настоящей. Работали топографы и медсестры, штаб батальона, велись разведка и изучение сил «неприятеля». Игра увлекала нас. Тогда мы еще не понимали, что нас готовят к предстоящим боям.

В те годы общественная жизнь в городке была довольно разнообразной. У нас был железнодорожный клуб, который назывался Дворцом культуры, с драмкружком, отличным духовым оркестром, с прекрасными самодеятельными вокалистами. В оркестре занимались более ста участников. Он часто играл в парке на танцах, выступал с концертами. Репертуар включал и классические произведения, что давало нам возможность приобщаться к высокой культуре.

Сам я усердно занимался спортом: играл в волейбол, футбол, увлекался гимнастикой. У меня был разряд по шахматам.

В конце 30-х годов обстановка в стране была сложной. Молох репрессий не обошел и Красноармейск. В то время, когда кого-нибудь в городе объявляли врагом народа и сажали в тюрьму, я не сомневался в правильности приговора. Посадили нашего соседа, с сыном которого дружил мой брат. Его судили как «врага народа» и расстреляли. Потом, правда, реабилитировали. Посмертно.

О коллективизации в деревне я узнавал из рассказов отца. Коммунист отец принимал в ней непосредственное участие, и однажды его чуть не убили. Он помогал конфисковывать излишки продуктов, а иногда – и имущество кулаков. Самих кулаков выселяли.

Старший брат работал некоторое время деревенским киномехаником и мог наблюдать за всем, что происходило в деревне. Иногда он показывал нам документальные фильмы о коллективизации. Как-то я приехал к сестре на время каникул и узнал от нее, что одного инженера на ее заводе посадили за то, что он переписывался с английскими специалистами. Муж сестры получил однажды открытку из Англии, и его тоже проверяли по подозрению «в связях с английской разведкой».

Но тогда я считал, что все так и должно быть. Я, как и другие, ничего не понимал, а рассуждать об этих проблемах открыто люди не решались.

Отец тоже многого не знал: рядовых коммунистов плохо информировали или не информировали совсем. Все, что писалось в газетах, мы воспринимали как истину. А в газетах писали о судебных процессах, расстрелах «врагов народа». Это было время широких и бессмысленных репрессий.

Так же безоглядно верили мы всему, что касалось и международных вопросов. О подписании секретных дополнений к договору между Гитлером и Сталиным, разумеется, вообще никто понятия не имел. Даже позже, уже будучи председателем КГБ, я не интересовался этим, полагая, что война ликвидировала тот договор.

15 июня 1941 года в школе состоялся выпускной вечер. В его подготовке участвовали все ученики и их родители. В двух классах нас было полсотни человек, а вместе с родителями на праздник собралось до двухсот. Родители пекли пироги, готовили торты. Моя мама сделала домашнее мороженое.

В тот счастливый день я получил аттестат зрелости с отличием – это давало мне право на поступление в вуз без экзаменов. Родители справили мне первый, специально на меня сшитый, хороший костюм, а учителя сложились и подарили мне наручные часы с выгравированной надписью. Часы эти храню до сего дня.

Кончилось детство, не очень счастливое, не очень сытое – обычное для советских детей того времени. Пионерские лагеря тогда были редкостью. Мне только раз повезло поехать по туристической путевке в Крым. Обычно, чтобы дать матери передохнуть от нас, я проводил

лето у брата и сестры в Горловке – городе со стадионами, кинотеатрами, парками, или у сестры в Харькове.

Летом 1941 года мне отдыхать не пришлось. Ровно через неделю после выпускного вечера в школе, 22 июня, Гитлер напал на нашу Родину.

Началась Великая Отечественная война.

22 июня 1941 года, ранним солнечным воскресным утром, я пошел прогуляться. Город был спокоен, никакого шума, суеты, улицы казались пустыми, сонными.

Отец работал в мебельном магазине. Я пошел к нему и там узнал о нападении немцев на Советский Союз.

Первые бомбардировки и стрельба докатились до нас где-то через три недели; фашисты хотели уничтожить наш железнодорожный узел. Мы жили совсем недалеко от железной дороги и как раз обедали, когда появились самолеты, и мы услышали взрывы. Сначала разбомбили депо, а потом и вокзал.

Донбасс, один из самых главных промышленных районов Советского Союза, долгое время не эвакуировали. Все были убеждены, что немцы сюда не дойдут. Однако они не только дошли, но и сжали его клещами, почти окружили.

В Красную Армию меня не призвали по двум причинам: во-первых, потому, что я родился в 1924 году и был еще молод, а во-вторых, потому, что медкомиссия пришла к выводу, что я не пригоден для строевой службы: врожденный порок сердца.

Документы я к тому времени уже отослал в Харьковский авиационный институт, и меня туда приняли. Свое будущее я связывал тогда только с работой авиаконструктора. Это была одна из самых престижных профессий. Уведомление о начале занятий я получил в начале августа, но учиться в институте мне не пришлось. Война нарушила все планы.

Фронт приближался. Я решил найти себе работу.

На железной дороге были политотделы и узловые комитеты партии и комсомола, и эти подрайкомы объединяли все транспортные партийные и комсомольские организации.

Я пошел в узловой комитет комсомола с целью устроиться на работу. Меня приняли и направили возглавлять спортивное общество «Локомотив». Однако через месяц назначили на место секретаря узлового комитета комсомола, которого призвали в армию. Я вошел в состав политотдела нашего железнодорожного отделения.

Ситуация становилась все более напряженной. Нам раздали винтовки, и мы перешли на казарменное положение. Фронт подошел к самому Донбассу, но печать и радио успокаивали: «Донбасс не сдадим! Ни шагу назад!»

Приказ об эвакуации не приходил. Мы получили его в самом конце лета, когда было уже ясно, что Донбасс не отстоять. Буквально за три дня до появления здесь немецких войск началась эвакуация.

Это была трагедия для Донбасса. Погиб первый секретарь Сталинского обкома партии замечательный коммунист Любавин, погиб весь Военсовет Киевского военного округа, в том числе второй секретарь ЦК КП Украины М.А. Бурмистенко. Вторым секретарем обкома был тогда Л.Г. Мельников, но не он заменил Любавина, а Задионченко, первый секретарь Днепропетровского обкома партии.

Как потом выяснилось, Задионченко назначил в Мариуполе, на берегу Азовского моря, совещание секретарей горкомов и райкомов. Но немцы обходным маневром по берегу моря неожиданно ворвались в город, и участникам совещания пришлось спасаться, кто как мог. Тогда там был схвачен немцами и замучен гестаповцами замечательный сталевар М.Н. Мазай. Не выбрались и погибли другие члены актива.

Сам же Задионченко, получив сообщение о маневре немцев, в Мариуполь не поехал и избежал таким образом участи своих подчиненных.

Эвакуация проходила спешно. Мне удалось отправить мать с двумя младшими братьями. Они добрались до станции Джитагора Кустанайской области в Казахстане. Отец уехать отказался, так как еще не было приказа коммунистам покинуть Донбасс. Я увидел его в городе: он сидел в магазине, которым заведовал, и пытался продать мебель. «Что ты собираешься делать с мебелью? – спросил я его. – Уже завтра здесь будут немцы! Вечером отправляется последний эшелон. Если ты не уедешь, то попадешь в руки врагов!»

У меня как у секретаря узлового комитета комсомола были эвакуационные листы, и я смог посадить отца в последний эшелон вместе с учителями и работниками транспорта. Он поехал в Ташкент.

Я уезжал, когда немцы уже заняли станцию Удачная, находившуюся в 16 километрах от Красноармейска. Политотдел и руководство отделением дороги погрузили в последний поезд, состоявший всего из четырех-пяти вагонов. Впереди пустили бронепоезд, который должен был просигнализировать нам выстрелами у Ясиноватой, что путь свободен от немцев. Мы благополучно проскочили Ясиноватую и двинулись на Северный Кавказ, в Махачкалу. Где-то под Невинномысской попали под бомбежку, но до Махачкалы добрались благополучно.

Махачкала была забита эвакуированными с Украины. Поэтому руководство отделения решило ехать в Челябинск: на открытых баржах по Каспийскому морю до Астрахани, а затем остаток пути – на поезде.

Это был конец сентября – начало октября, и на море было очень холодно. Дорога оказалась тяжелой. Открытые холодные металлические баржи, загруженные то ли нефтью, то ли бензином, и на них разместились люди, семьи с детьми...

До Астрахани добрались и оттуда пятнадцать дней ехали до Челябинска, где большинство из нашего отделения и осталось. Мне же разрешили ехать в Кемерово, где в то время жили сестра с мужем. Они работали на азотно-туковом заводе: он был главным инженером, она – начальником центральной лаборатории завода.

Встреча была радостной. Мой приезд стал для них полной неожиданностью. До этого времени у них не было вообще никаких известий о семье.

Кемерово был тогда заштатным городишком с деревянными тротуарами. Он стал областным центром только во время войны, в 1942 году, когда из-отдельных районов Новосибирской и Омской областей создали Кемеровскую область. Тогда же в Кемерово откуда-то из Башкирии приехал первым секретарем обкома партии Задионченко. Разместился обком в 41-й школе, в центре города.

В промышленный Кузбасс переместили много промышленных предприятий из Европейской части СССР. В основном тут сосредоточились химическая промышленность и машиностроение. Заводы занимали помещения театров и других культурных учреждений. Сюда эвакуировались также два института – Днепропетровский химико-технологический и Рубежанский биохимико-технологический. Я пошел учиться в созданный на их базе Кемеровский химико-технологический институт. Поначалу старших курсов практически не было: лишь немного студентов на втором курсе и единицы на последующих.

Когда в институте узнали о моей прежней комсомольской работе, меня избрали секретарем комитета комсомола. Это место до меня занимал преподаватель, который хотел от него избавиться, так как это мешало его работе. А когда узнали, что я уже возглавлял узловой комитет комсомола, избрали членом бюро райкома. Так я попал в районное комсомольское руководство.

Однако учеба и комсомольская работа в институте продолжались только год. Положение на фронтах ухудшилось, и меня наконец призвали в армию.

К тому времени почти все мои братья были в строю.

Николай служил еще до войны, и если бы она не началась, то был бы вскоре демобилизован. Артиллеристом воевал до 1945 года. Под Будапештом получил тяжелое ранение. Ему хотели ампутировать ногу, но он уговорил врачей оставить ее и с больной ногой прожил еще много лет.

Иван служил в авиации – в Архангельске, принимал авиатехнику, которую доставляли из Англии и США морским путем.

Петр – по образованию энергетик – занимался демонтажем и установкой энергетического оборудования в военных целях.

Младшего брата, Леонида, в конце войны тоже призвали в армию, где он служил в пехоте.

Борису не повезло. Начало войны застало его в должности политрука в танковых частях на западной границе в Белоруссии. В первый же день войны он попал в плен. Долгое время мы ничего не знали о нем. Только после войны он прислал письмо из Хабаровска. Как известно, все, попавшие в плен к немцам, считались в то время предателями. О Борисе ходил слух, что он в плену сотрудничал с немцами. После капитуляции Германии Борис был осужден на двадцать пять лет.

С группой непригодных для строевой службы в армии меня из Кемерова послали в военное интендантское училище в Омск. Принимал нас генерал, начальник училища – грубый человек, который не был от нас в восторге. Своего разочарования он и не скрывал: «Таких недоделанных, как вы, у меня тут и так более чем достаточно. Новые партии я принимать больше не могу».

Мы не знали, что нам делать: паспорта у нас отобрали, постригли, деньги и продукты у нас кончились, а нам – от ворот поворот! Пошли в мобилизационный пункт, где набирались сибирские дивизии, но там необученных, «инвалидов», как нас обозвали, не взяли тоже и послали в омский городской военкомат. Тот выдал нам литер, и мы с горем пополам возвратились в Кемерово. Кемеровский военком вернул всем паспорта и велел ждать следующего наряда куда-нибудь еще.

Я был расстроен и раздражен собственным «подвешенным» состоянием, и пошел в горком комсомола. Там меня знали. Секретарь горкома Виктор Левашов был из Донбасса. Он и решил направить меня секретарем комитета комсомола на коксохимический завод в ожидании очередного призыва в армию.

Однако пробыть в этом качестве мне пришлось недолго. Через два месяца меня избрали секретарем районного комитета вместо прежнего первого секретаря Воробьевой, добровольно ушедшей на фронт.

Так закончилась моя «карьера» интенданта и началась другая, теперь уже на многие годы. Было мне в ту пору 18 лет, и был я еще беспартийный. Впервые за исполнение своих обязанностей я стал получать настоящую зарплату.

Мой Центральный район Кемерова был крупным и сложным районом. Здесь разместились такие заводы, как КЭМЗ, «Карболит», № 606, № 510, большой железнодорожный узел. В организации было почти 10 000 комсомольцев.

Шел 1942 год – год тяжелейших испытаний. Люди работали с предельным напряжением. Бесперывно формировались сибирские дивизии. Предприятия оголялись – людей не хватало. На рабочие места и к управлению приходили новые, неопытные кадры. Поэтому мое избрание секретарем Центрального райкома комсомола, конечно же, было делом вынужденным, продиктованным сложившейся обстановкой.

Как-то вызывает меня первый секретарь райкома партии нашего района Пожидаев: – Ты почему в партию не вступаешь?

– Да я вступаю. Уже заявление подал. Оно у вас лежит, наверное, месяца полтора... Он тут же вызывает заворотделом и дает ей нагоняй:

– Сорок второй год! Война! Чтоб сегодня же было партсобрание и рассмотрели заявление!

Словом, в конце 1942 года меня приняли кандидатом в члены партии.

У нас в семье, кроме матери и брата Бориса, все были коммунистами. Мы часто шутили, что имеем свою собственную семейную парторганизацию.

Комсомольская работа в Кемерове проходила в тяжелое для страны время. Очень трудно было на фронте, трудно и в тылу.

Проблемы возникали и днем и ночью. Руководили мы больше при помощи приказов – ведь шла война, и в этих условиях соблюдать демократию было неуместно.

Одной из главных целей комсомольской работы я считал воспитание молодежи. Мы стремились выработать у юношей и девушек чувство патриотизма. Помогало нам то, что все средства массовой информации, все молодежные организации работали под руководством партии.

Бывали в нашей работе случаи, когда приходилось выполнять решения, которые в иных обстоятельствах можно было бы рассматривать как жестокие.

Однажды мы получили сигнал, что азотно-туковый завод вот-вот остановится из-за нехватки аппаратчиков, так как большую их часть призвали в армию. Нам дают команду: немедленно отобрать в любых местах сто комсомольцев и направить их аппаратчиками на завод. Где набирать? На оборонных заводах у всех «броня»!

Мы начали брать в школах десятиклассниц. Девушкам через два месяца школу заканчивать, а мы их – в аппаратчицы! Сколько было пролито родительских слез! А что делать? Срок – неделя на все. Завод дает продукцию для изготовления боеприпасов, и здесь всякое промедление, всякая задержка – преступление! Каждую ночь собиралась летучка в обкома партии по этому поводу – докладывали о ходе набора лично Задонченко. Задание было выполнено.

Занимались мы в райкоме комсомола и проблемами быта молодежи. В 1942 году ЦК ВЛКСМ принял решение, направленное против формально-бюрократического отношения к нуждам молодежи, проживающей в общежитиях на стройках.

Однажды мы с Левашовым приехали в общежитие, разместившееся в полуподвале под гастрономом на Приморском участке. Здесь жили девушки-строители, приехавшие на работы по расширению Кемеровской ГРЭС. Стройка была объявлена комсомольской, и туда направили комсорга ЦК ВЛКСМ. Посмотрели мы на этот полуподвал, а там – трубы протекают, белье постирать и просушить негде. Словом, полное неустройство.

Через два часа собрали бюро райкома комсомола и приняли решение: поселить в этом общежитии комсорга ЦК ВЛКСМ, вменив ему в обязанность жить там до той поры, пока положение не будет исправлено. Чем скорее исправишь, тем скорее выедешь!

На кемеровских заводах работало много рабочих-малолеток – мальчишек и девчонок по 14–15 лет. Работа с ними также входила в наши обязанности. Идешь, бывало, по цеху, где снаряды делают, и видишь: у токарного станка стоит на ящике эдакий шкет – на ящике потому, что ростом еще мал и работать нормально на станке не может. От усталости и хронического недоедания обессилившие ребята после смены или в обеденный перерыв спали у горячих батарей прямо в цеху. Но как они старались выполнять норму, соревнуясь друг с другом! «Все для фронта! Все для победы!» – этот призыв они на деле претворяли в жизнь.

Комсомол осуществлял шефство над госпиталями: дежурили, писали за раненых письма, выступали перед ними с концертами самодеятельности. Мы организовывали также посылки на фронт. Посылали только новое: теплые носки, варежки, кисеты.

В годы войны от молодежи много требовали, но многое ей и доверяли. Например, мы могли вызвать на бюро горкома комсомола любого директора завода и потребовать от него решения тех или иных молодежных проблем.

Сейчас можно слышать: молодежь принуждали вступать в комсомол. Чушь! Как тогда объяснить тот факт, что во время войны к нам на бюро райкома для приема в комсомол приходило иногда до трехсот человек? В Кемерове принимали в комсомол до 600 человек в месяц! И это – во время войны!

Были издержки? Да, были. Кого-то и случайно могли принять. Но главную задачу мы все-таки решали.

Для многих комсомол был хорошей школой жизни, в первую очередь это касается руководителей, лидеров. Я по своему опыту знаю, как лепили из людей будущих руководителей. Ведь происходил естественный отбор: кто-то не выдерживал, кто-то калечился и калечил дело, но кто-то становился подлинным вожаком. Можешь иметь заслуги, отца большого начальника, но, если ты заваливаешь дело, тебя дальше не пустят прежде всего те, кто подбирает кадры, или люди, тебя выбирающие.

Вот яркий пример того, что может случиться с человеком, который слишком увлекся командованием и перестал замечать людей вокруг себя. Мой друг Левашов в годы войны был отличным секретарем горкома в Кемерове. Мы оба вернулись в Донбасс, и в Донецке я оставил его вместо себя первым секретарем обкома комсомола. Однако Донецк его не принял: людям не нравилась его тяга к почестям, командованию. Не простили ему и перчаток, в которых он являлся перед уставшими от тяжелой работы шахтерами, вышедшими из забоя. Через год я вынужден был дать согласие на его освобождение от этой должности.

Мы были молоды, поэтому даже в тех тяжелых условиях находили время для развлечений. Мне и секретарю городского комитета комсомола сладили военную форму – сапоги да костюм. В ней мы появлялись на танцах в кинотеатре «Москва» – единственном кинотеатре в Кемерове, где проходили все заседания, собрания, конференции, где выступали приезжие артисты. Здесь в фойе в двенадцать часов ночи начинались танцы, которые заканчивались к четырем утра. А утром – на работу.

Летом приходили на танцплощадку в парк. И никакого хулиганства, никакой поножовщины! В военное время люди были подтянуты, и горком и райкомы комсомола не знали таких проблем.

Сталинградская битва стала началом коренного перелома в Отечественной войне: пришло время наших побед. Советские войска стремительно двинулись на запад.

20 февраля 1943 года ЦК ЛКСМУ принял постановление о работе комсомольских организаций в районах Украинской ССР, освобожденных от немецких захватчиков. В постановлении указывалось: «Возобновление комсомольских организаций должно проводиться не как самоцель, а как один из основных способов мобилизации всех сил комсомольцев на широкое развертывание политической работы среди населения, на привлечение молодежи к активному участию в восстановлении разрушенного гитлеровцами хозяйства, на усиленное проведение всех сельскохозяйственных работ и действенную помощь фронту».

Страшная картина разрушений предстала перед глазами освободителей на украинской земле. Прямой ущерб, нанесенный оккупантами народному хозяйству республики, составил 285 миллиардов рублей. Без крова остались более 10 миллионов человек.

Уже в начале 1943 года представители украинского комсомола стали собирать в Кемерове сведения о комсомольских кадрах с Украины и ставить их на учет.

Где-то в сентябре я получил вызов прибыть немедленно в Москву в распоряжение ЦК комсомола Украины. Тогда по решению ЦК ВЛКСМ обкомы, крайкомы и ЦК комсомола союзных республик командировали в распоряжение ЦК ЛКСМУ 3208 работников.

Получил такой вызов и Левашов. Он сразу уехал, а меня стали уговаривать, чтобы я занял его место первого секретаря горкома. Но я уперся: только, домой! Даже телеграмму в ЦК ВЛКСМ по этому поводу послал – мол, не отпускают!

От Михайлова, первого секретаря ЦК ВЛКСМ, поступило категорическое указание немедленно меня отпустить.

Расстались мы хорошо. У меня сохранились теплые воспоминания о Кемерове, о людях – трудолюбивых и безотказных.

Мой путь на Украину лежал через Москву, где должна была решаться моя судьба.

Восстановление Донбасса

Весной 1943 года в освобожденные районы Сталинской области прибыли Сталинский обком ВКП(б)У и областной комитет комсомола.

Радостно было узнать, что вернулся первый секретарь обкома ЛКСМУ Евгений Бабенко. Из армии пришел и стал секретарем обкома по пропаганде Иван Чирва. Секретарем обкома избрали комсомольца-подпольщика Леонида Кошубу. В северо-восточных районах области начало работать бюро обкома ЛКСМ Украины.

Я приехал в город Сталино в сентябре. Здесь первоначально состоялся разговор с кадровиками, из которого я понял, что меня прочтат вторым секретарем Макеевского горкома комсомола – к Левашову. Вскоре меня приняли первый секретарь ЦК ЛКСМУ Костенко, второй секретарь ЦК ВЛКСМ Романов и Бабенко.

– Почему ты хочешь ехать в Макеевку?

– Мне сказали, что так надо.

– Ты сам-то откуда?

– Я из Красноармейска.

– А у нас там нет первого секретаря. Ты согласен ехать туда первым секретарем?

– В свой-то город? Конечно!

– Вот сегодня же каким угодно поездом и отправляйся туда. Это недалеко – всего шестьдесят километров. Добирайся, принимай райком комсомола и начинай работать.

Вот так тогда решались кадровые вопросы. Никаких выборов, никакой уставной демократии: куда тебя назначили, там и будешь работать.

В Красноармейск я приехал в угольном вагоне под вечер. Весь перепачканный угольной пылью, явился к родственникам переночевать. Утром пошел представляться в райком партии – к первому секретарю Е.Д.Сороке.

Как же изменилось здесь все за время оккупации! Окрестности Красноармейска и сам город скорее напоминали лунный ландшафт. На каждом шагу – воронки от бомб. Отступая, немцы ликвидировали свои военные склады и взорвали все, что смогли. Железные дороги и почти все металлургические, машиностроительные заводы были разрушены. Угольные шахты затоплены...

Но мы знали, с чего начинать.

21 августа 1943 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов». В нем говорилось, что для успешного выполнения поставленной задачи необходимо в первую очередь восстановить и укрепить партийные и комсомольские организации.

Воссоздание и организационное укрепление комсомольских органов на Украине стало первоочередной задачей.

Красноармейский район был большой. В него входили сам город Красноармейск, поселки Дмитров и Новозакономический, а также сельские поселения – насчитывалось до 40 колхозов.

Мы начали с регистрации тех комсомольцев, что оставались на оккупированной территории. Таких было примерно три тысячи. Всех надо было пропустить через бюро райкома, тщательно рассмотреть их персональные дела и решить вопрос о восстановлении или исключении из рядов ВЛКСМ. Осложнений при этом была масса.

На Украине после освобождения было много негативных явлений: процветала спекуляция продуктами питания, не хватало самого необходимого. Усилилось влияние Церкви. В порядке вещей были доносы – распространенная черта того времени.

Буйно расцвела проституция, и комсомол наряду с медиками и партийными органами включился в борьбу против этого зла. Пришло оно на Украину вместе с оккупацией: только в одном Донецке немцы организовали несколько публичных домов. После изгнания фашистов женщины разъехались кто куда, но некоторые остались в городе. На них люди показывали пальцами, издевались над ними и прижитыми с немцами детьми, называя их «фрицами». Иногда обвинения падали и на невинные головы – порой люди сводили личные счеты. Немалую роль играла зависть: «А, у тебя красивое платье? Интересно, откуда? Значит, спала с немцами, прислуживала им!» И пойдешь отмойся от грязной лжи! Обычно девушку, о которой шла дурная молва, забирали люди из Наркомата госбезопасности, и больше ее никто не видел. Лишь позднее становилось ясно, что многие обвинения были напрасными: девушку всего лишь сфотографировали с немецким солдатом, и больше ничего. Один бог ведает, где встретили свой последний час эти женщины.

В проведении регистрации нам оказывали содействие органы НКВД. Мне, например, были предоставлены фотографии, свидетельствующие о сотрудничестве некоторых комсомольцев с оккупантами. На одной из них я узнал бывшего освобожденного секретаря комитета комсомола той железнодорожной школы, где – после нее – и я возглавлял комсомольскую организацию. Я знал, что ее брат героически погиб на фронте. Когда она пришла регистрироваться, чтобы восстановиться в комсомоле, нам пришлось ее исключить.

Многие наши люди были насильственно угнаны немцами в Германию. Но были и такие, кто и сотрудничал, и отступал вместе с оккупантами, покидая Украину. Так, во время оккупации городским головой в Красноармейске стал добровольно один из учителей, украинский националист с антисоветскими взглядами. При немцах он второй раз женился, сыграл богатую свадьбу, а резиденцией себе выбрал двухэтажный дом – бывший детский сад. Все жители ненавидели предателя.

Суд над ним в конце концов свершили сами немцы. Когда Советская Армия стала гнать оккупантов с Украины, националисты, почувствовав презрение к ним простых людей, сменили свой лозунг «Украина без коммунистов» на «Украина без коммунистов и немцев». Фашистам это не понравилось, и они при отступлении кое-кого расстреляли. Среди них оказался и тот учитель. Я до войны был знаком с его сестрой.

После войны она была арестована как сестра врага народа и отправлена в ссылку...

Большинство же комсомольцев, оставшихся на оккупированной территории, было восстановлено. К началу 1944 года в области в основном было завершено воссоздание городских и районных комитетов комсомола. На освобожденной от фашистов территории были зарегистрированы 22 668 членов ВЛКСМ, переживших оккупацию. К 1 января 1944 года восстановили в правах 12 292 человека, которые были объединены в 1778 первичных организаций. Именно эти парни и девчата стали в первые ряды тех, кто взялся за непосильную, казалось, задачу – восстановить родной Донбасс.

В первую очередь нужно было любым путем получить уголь для промышленности Донбасса. Привозить его из Сибири было чрезвычайно сложно и дорого.

Еще шла война и в полную меру действовал призыв: «Все для фронта! Все для победы!» Для Донбасса этот лозунг читался так: «Уголь любой ценой!»

В декабре 1943 года ЦК ВЛКСМ принял постановление «Об участии комсомольских организаций в восстановлении угольной промышленности Донбасса». С января 1944 года началось шефство комсомола страны над восстановлением разрушенного войной хозяйства.

Уголь брали везде, где могли. Копали примитивные шахты, вспомнив, что когда-то местная промышленность добывала так бытовой уголь для продажи. Шахтенки эти мы называли «мышеловками».

Были объявлены так называемые дни повышенной добычи – ДПД. В шахты-«мышеловки» спускался стар и млад, а тем временем на поверхности старушки накрывали сбитые из досок столы в ожидании «добытчиков».

Шахтеры вылезали из «мышеловок» грязные, мылись кое-как, так как никаких душевых и бань тогда еще не было – все разрушено, и садились за столы. Тут и самогон появлялся, но на это закрывали глаза: ДПД выручали. Правда, ДПД проводили не часто, два-три раза в месяц, чтобы не изматывать население, да и с продуктами питания для подкармливания «добытчиков» было туговато.

Возрождению «Всесоюзной кочегарки» помогали 29 республиканских и областных комсомольских организаций страны. Помощь предоставлялась рабочей силой, оборудованием, инструментами, стройматериалами. Развернулось стахановское движение.

Например, над шахтами треста «Сталин-уголь» шефствовали комсомольцы Москвы. На средства, заработанные во внеурочное время, москвичи приобретали стройматериалы и направляли в Донбасс для восстановления предприятий, жилищ, курортно-просветительных учреждений.

Появились комсомольские стройки, комсомольские бригады, молодежно-комсомольские смены. Поскольку молодых ребят не хватало, был брошен клич: «Девушки – в забой!» Одними из первых спустились в угольные шахты Мария Гришутина и Нина Кузьменко.

В течение двух лет в условиях войны были восстановлены 60 основных и 350 мелких шахт!

К началу 1944 года фронт работ в Донбассе значительно расширился. Началось восстановление доменных печей, разрушенных в Мариуполе, Енакиеве, Сталино и Макеевке.

Скоростными методами комсомольцы начали возрождать шестую домну на Енакиевском металлургическом заводе. Уже в декабре 1943 года она дала первый чугун и получила название «Комсомольская».

Широко привлекали мы районную печать. Большую помощь в деле восстановления народного хозяйства оказала выездная редакция «Комсомольской правды». Редактором газеты был тогда очень боевой, энергичный Семен Нариньяни (он потом стал редактором журнала «Крокодил»), Боевая, задиристая газета никому не давала покоя.

В убогом состоянии оказалось и сельское хозяйство. Из-за того, что во время оккупации землю практически не обрабатывали, небывало размножились сорняки и грызуны. Особенно вольготно жилось сусликам. Их уничтожением занялись комсомольцы: в норку зверька наливали воду, а когда он выскакивал, его уничтожали, и шкурка шла на пошив детских шубок.

Как-то на пленуме ЦК партии кто-то посмеялся, что у комсомола нет лучшего занятия, как гоняться за сусликами. Но Хрущев, тогда первый секретарь ЦК партии Украины, заступился за нас. Он прочел на пленуме целую «лекцию» о том, сколько каждый суслик заготавливает себе на зиму, а это не мало – полпуда зерна, и складывает в свою норку только отборные колосья!

Большую помощь селу оказали комсомольцы и молодежь промышленных предприятий города. По нашей инициативе проводились месячники по сбору запасных частей и инструмента, организовывали шефство над машинно-тракторными станциями. По селам прокатился призыв: «Девушки – на трактор!»

Сейчас это кажется невероятным, но к концу 1945 года было восстановлено хозяйство всех колхозов и совхозов области. И везде был виден труд молодых, которых объединял и

вел комсомол. Комсомольцы, как и на фронтах Отечественной войны, были в первых рядах тружеников.

Мы восприняли как свою личную беду и проблему детей – сирот войны. Комсомольцы активно участвовали в создании специальных бригад, которые совместно с работниками органов НКВД систематически обходили улицы, железнодорожные станции, квартиры, выявляли и вели учет детей сирот и беспризорных, устраивали их в детские приемники и детские дома. После освобождения возникла проблема создания школ рабочей и сельской молодежи. При нашем участии к первой годовщине освобождения области было восстановлено более 1300 школ, более тысячи домов культуры, клубов и изб-читален. Вновь стала выходить газета «Комсомолец Донбасса».

В январе 1944 года меня вызвали на бюро обкома комсомола с отчетом о работе с учащимися профтехучилищ и на нем неожиданно утвердили заведующим отделом рабочей молодежи обкома.

В компетенции отдела – все шахты, все заводы Донбасса! Очень бойкий отдел, если учесть первейшую роль молодежи в восстановлении региона.

В Красноармейске я жил у родственников. Родители все еще находились в Казахстане и вернулись только в 1945 году.

Теперь мне пришлось переехать в город Сталино. Своего жилья не было, и я снимал комнату. В Сталино и его окрестностях было много различных промышленных предприятий. Я узнавал их одно за другим, потому что в моем ведении были вопросы рабочей молодежи. Проработал я в отделе около года. А тут случилось так, что первого секретаря обкома комсомола Бабенко забрали в обком партии, на его место пришел второй секретарь Л. Скобцов, а меня избрали вторым секретарем Донецкого обкома комсомола – на место Скобцова.

Проработал я в этом качестве года полтора, и в конце 1946 года меня на областной конференции избирают первым секретарем обкома комсомола.

За время работы в области я познакомился со многими людьми, приобрел опыт в решении сложнейших проблем и чувствовал себя на месте, в своей стихии. Я видел и знал, что делаю нужную работу. Я старался не срываться, во всем проявлять чувство меры и самые жесткие требования предъявлял прежде всего к самому себе.

Меня окружали верные соратники, помощники, друзья: Виктор Левашов, Иван Чирва, Борис Кароль, Л. Кошуба.

Впоследствии я всегда подбирал вторыми секретарями таких ребят, чтобы кто-то из них мог стать первым. Была когда-то практика: есть у тебя пять замов, но есть также список резерва на выдвижение. Зачем этот список, если я плачу своим пяти замам зарплату именно за то, чтобы они были резервом? Я всегда считал: грош цена тому начальнику, который не подобрал себе резерв, замену. На всякий случай.

В декабре 1946 года меня избрали делегатом на XIII съезд комсомола Украины. В состав нашей делегации входили известная всей стране Паша Ангелина, забойщик Н. Лукинев, составитель поездов Зайцев и другие.

Ехал я на вокзал в одной машине с Пашей Ангелиной. И надо же так случиться, что по дороге в ветровое стекло влетел конец оборвавшегося трамвайного провода. Стекло – вдребезги, но мы остались целы благодаря тому, что ехали на заднем сиденье. Чуть на поезд не опоздали.

На съезд комсомола Украины в Киев приехала делегация от ВЛКСМ из Москвы. Возглавлял ее первый секретарь ЦК Николай Александрович Михайлов, с ним были и секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, и главный редактор «Комсомольской правды» Борис

Бурков. С Шелепиным я тогда встретился впервые. Мы познакомились и сошлись довольно близко. Потом подружились, и наша дружба длилась до самой его смерти в 1994 году.

В конце работы съезда эти товарищи пришли к Никите Сергеевичу Хрущеву, который был в то время первым секретарем ЦК КП Украины, с вопросом: завтра, мол, заканчивает работу комсомольский съезд, надо согласовать, кого включить в состав секретариата ЦК. На должность секретаря ЦК по кадрам готовили тогда нашего донецкого парня Никонова. Он был 1916 года рождения. Все другие претенденты – тоже далеко не комсомольского возраста.

Хрущев просмотрел список кандидатов и говорит:

– Что вы все стариков предлагаете? Так не пойдет. Давайте кого-нибудь помоложе.

Тогда первый секретарь ЦК комсомола Украины Костенко говорит ему тихонько:

– Да есть у нас один, но очень уж молод.

– Кто такой?

– Первый секретарь Сталинского обкома комсомола.

– Как же так? В городе Сталино он может быть первым, а здесь секретарем по кадрам не может? Где он?

– Он делегат съезда. В гостинице.

– Привезите его сюда.

И вот ночью меня вытаскивают из гостиницы и везут к Хрущеву. Так состоялось наше знакомство.

Зашел я в кабинет. За длинным столом сидят Н.С. Хрущев, Н.А. Михайлов, А.А. Епишев – секретарь ЦК КП Украины по кадрам и вся свита. Я сел в конце стола. Хрущев пригласил меня подсесть поближе. Я замялся:

– Мы тут поужинали с ребятами...

– Небось выпили немного? Ничего, ничего, – засмеялся он, – мы все не святые. Здесь идет разговор о другом. Как ты смотришь, чтобы тебя назначить секретарем ЦК по кадрам?

– Да я еще первым секретарем обкома толком не работал. Неудобно перед товарищами.

– Ну это мы договоримся, – заключил он. – На то и съезды собирают.

Короче – «окрестили» меня: на следующий день на пленуме избрали секретарем ЦК ЛКСМУ по кадрам.

Сразу после съезда пригласил меня Костенко:

– Михайлов намерен посетить Сталино и выступить там на активе. Так что вылетай пораньше, а мы поездом поедem. Там соберете актив, и ты сделаешь доклад по итогам съезда.

– Да как же я могу завтра уже выступать с докладом? – всполошился я.

– А первый секретарь ЦК ВЛКСМ у вас что, каждый день бывает? Иди и готовься!

Вот и весь разговор.

Добраться до Сталино за несколько часов была проблема. Рейса самолета из Киева нет. Кое-как добрался до Днепропетровска. Там в какой-то воинской части посадили в военный самолет. Крепко промерз, ведь декабрь на дворе, но к утру был на месте.

С аэродрома направился прямо к первому секретарю обкома партии Леониду Григорьевичу Мельникову. У того в кабинете застал Демьяна Сергеевича Коротченко – секретаря ЦК КП Украины. Он был тогда особоуполномоченным И.В. Сталина по добыче угля.

Я был уверен, что Мельников в курсе того, что произошло на съезде. Доложил о скором приезде Михайлова, о поручении выступить мне с докладом.

Мельников тут же собрал секретарей райкомов, распределил поручения, в частности, распорядился подготовить помещение оперного театра, а встречу Михайлова взял на себя. Он умел это делать и резонно полагал, что успех в работе во многом зависит от встреч, приемов, особой атмосферы взаимоотношений.

Когда все роли были распределены, я осторожно так вставляю:

– Леонид Григорьевич, надо и пленум обкома комсомола сразу провести.

– Зачем?

– Дело в том, что я уже не секретарь обкома, а секретарь ЦК.

Он смотрит, видимо думая, что я шучу.

– Я тут ни при чем, – смешался я. – Меня на съезде избрали.

– Как это избрали?! – взорвался он. И, обращаясь к Коротченко, начал было шуметь: – Почему я ничего не знаю?

Но Демьян Сергеевич Коротченко быстро его успокоил:

– А может быть, вам и знать не обязательно? На Политбюро ЦК этот вопрос со мной согласовали.

Тот осекся, и ему ничего не оставалось делать, как выйти из-за стола и поздравить меня. Коротченко засмеялся:

– Ты, Леонид, должен радоваться, что так растут твои кадры.

Сразу же встал вопрос о моей замене. Я предложил Виктора Левашова. Мельников поморщился:

– Белоручка он и пижон. Ну ладно, тебе виднее.

После актива, который проходил в оперном театре, там же собрали пленум. Когда пришла очередь выдвигать кандидатуру на место первого секретаря, я предложил В. Левашова. Его кандидатура прошла с большим трудом. Повторяю, не принимали Левашова люди. С гонором был человек. И люди оказались, к сожалению, правы. Через год пришлось Левашова освободить. Предложил я ему подучиться в Высшей комсомольской школе – отказался, опять-таки гонор не позволил.

Вскоре я оказался в Киеве. Жил в гостинице. Молодая жена (в апреле 1946 года я женился) осталась в Донецке заканчивать политехнический институт.

Первым секретарем ЦК партии на Украине был тогда Никита Сергеевич Хрущев, вторым секретарем – Демьян Сергеевич Коротченко, кадрами заведовал Алексей Алексеевич Епишев, по пропаганде было два секретаря – Иван Захарович Литвиненко и Назаренко.

Хрущев особое внимание придавал вопросам идеологии. Сколько я его помню, всегда на этих вопросах «сидели» два человека, а то и три, да еще в Политбюро кто-то тем же занимался. Видимо, он понимал, что кое-чего сам не добирал, потому сажал на это место подготовленных людей и уделял им должное внимание.

В 1946 году Украина перенесла необычайно сильную засуху. Последующий год тоже не принес облегчения. Не выполнялись планы по поставкам зерна, плохо было с кормами, что тяжело отражалось на животноводстве.

Главной причиной бедственного положения в сельском хозяйстве И.В. Сталин считал не засуху, а плохую работу партийно-комсомольских руководителей на местах и отрыв биологической науки от практических нужд.

После войны партия сознательно держала курс на выдвижение молодых, в том числе и в науке, чтобы с их помощью, опираясь на их энтузиазм и энергию, преодолеть послевоенную разруху и решить прежде всего проблему продовольствия.

С этой точки зрения Т.Д. Лысенко отвечал потребностям времени. Н.С. Хрущев его всячески поддерживал. К тому же Лысенко продемонстрировал определенные достижения в своей области: добился повышения урожайности, создал новые сорта сельскохозяйственных культур, разработал ряд новых агротехнических приемов.

Однако в связи с невыполнением Украиной плана по поставкам зерна Н.С. Хрущева освободили с поста первого секретаря ЦК республиканской партии, прислав на его место Лазаря Моисеевича Кагановича. Правда, Хрущева оставили председателем Совмина Украины и членом Политбюро ЦК ВКП(б). Вторым секретарем по сельскому хозяйству к Кагановичу направили Николая Семеновича Патоличева, инженера, строившего всю войну танки.

И хотя это казалось странным, но нужно было понимать, что секретарь ЦК – это не агроном или инженер, а организатор.

Ужесточился отбор руководящих работников. Через ЦК стали пропускать даже секретарей райкомов комсомола, хотя райкомов таких были сотни. Особенно это касалось Западной Украины.

Время было горячее. По всей Украине восстанавливались заводы, шахты, домны. В сельском хозяйстве комсомол развернул «походы» за урожаем, за корма, начал создавать комсомольские звенья.

Сталин провел через Политбюро решение, обязывающее всех первых секретарей обкомов партии перенести свои кабинеты непосредственно на стройки. И когда позже в знаменитых «трудах» Брежнева писали, подчеркивая его трудовую доблесть, что он перенес свой кабинет на производство, – это он выполнял решение Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталина. Попробовал бы он этого не сделать!

Начались мои командировки на места. В числе первых я посетил Сумскую область по скандальной жалобе, в которой первый секретарь обкома комсомола обвинялся в присвоении повидла, предназначенного для детских садов. Люди говори не зря. Его сняли, выгнали из партии и судили.

С приездом Л.М. Кагановича начались кадровые перемены.

Каганович со свойственным ему напором и беспардонностью начал свое правление с того, что принялся громить украинских писателей – М.Ф. Рыльского, Л.С. Первомайского, Ю.И. Яновского...

Досталось и комсомольскому активу. В первые два месяца Каганович разогнал весь ЦК комсомола. Первого секретаря ЦК украинского комсомола Василия Костенко и второго секретаря Петра Таранько отправили на учебу в Высшую партийную школу. Многие тогда лишились своих должностей.

Еще до отъезда Костенко ему позвонил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов и попросил «пристроить» Митрохина из Краснодарского крайкома комсомола. Костенко обещал, но при условии, что нам в Киев дадут ставку еще одного второго секретаря. Ставку дали, и у нас в ЦК комсомола, как и в ЦК партии, появились два вторых секретаря – по сельскому хозяйству и по общим вопросам. Все по образу и подобию...

В марте 1947 года я выехал в командировку в Харьков. Первым секретарем Харьковского обкома партии был тогда В.М. Чураев (ставший потом заведомом ЦК партии), а секретарем по пропаганде был у него А.М. Румянцев, который собрал в Харьковском университете актив для «проработки» «вейсманистов-морганистов». Принять участие в работе актива был приглашен и я.

Румянцев в ту пору пользовался поддержкой Сталина. Он был активным участником дискуссий по экономическим вопросам, которые проводил Сталин. Позднее Румянцев возглавлял отдел науки ЦК, стал главным редактором «Правды», академиком. Судьба столкнула нас еще раз, когда антисоветской деятельностью его сына заинтересовался КГБ и мне пришлось объясняться с отцом на эту тему.

После актива, когда я возвращался на ночлег в отведенный нам особняк, ко мне подошел парень-чекист и сказал, что меня ждет Лазарь Моисеевич Каганович и завтра мне надо быть в Киеве.

Я решил, что добрались и до меня. Но почему? Ответа на этот вопрос не нашел. А чекисту ответил, что утром уехать не смогу, так как уже 12 часов ночи и билетов на завтра у меня нет, на что он отреагировал спокойно: «Билет вам заказан».

Когда я прилетел в Киев, то доложил об этом помощникам Кагановича. Я пытался узнать: зачем Каганович меня хочет видеть? Никто не знал, велели ждать. При этом помощ-

ник добавил, что мне-де поручено все дела в комсомоле взять на себя. Я в недоумении возразил:

– Но есть же вторые секретари?

– Оставайтесь за старшего. Сказано, что все вопросы надо согласовывать только с вами.

И тут началось... Звонки, бумаги для визирования! Смотрю, меня уже начали называть по имени-отчеству...

Проходит некоторое время, и из отдела культуры мне сообщают, что Каганович собирает для разговора писателей и хочет знать, кого из секретарей ЦК комсомола следует пригласить на это мероприятие. Во всяком случае, подчеркнули мне, я должен быть обязательно.

Разговор с писателями получился малоинтеллигентным. С присущей ему грубостью Каганович «прорабатывал» ведущих литераторов Украины. Особенно досталось критикам. Здесь он не стеснялся в выражениях.

Таковыми неуклюжими действиями Каганович пытался проводить линию партии по борьбе с аполитичностью в искусстве, с безыдейностью и пошлостью, с низкопоклонством перед буржуазной модой, буржуазными нравами и культурой, по укреплению связей партии с писателями, художниками, композиторами. Все это вызвало негативную реакцию не только у интеллигенции, но и в партийных кадрах.

Не сложились отношения у Кагановича и с Патоличевым. Как-то раз, будучи уже первым секретарем, я невольно стал свидетелем такой сцены: Патоличев принес Кагановичу проект очередного постановления по сельскому хозяйству. Каганович, не дочитав и первой страницы, спрашивает:

– Какой дурак это писал?

– Этот дурак перед вами.

И дальше в моем присутствии произошел неприятнейший разговор. Насколько я знаю, Николай Семенович Патоличев потом звонил Сталину и просил освободить его от совместной работы с Кагановичем. Сталин сказал: «Хорошо. Я вам позвоню». И перезвонил уже на следующее утро: «Вылетайте и принимайте Ростовский обком партии...»

Говорили, что Н.С.Патоличев был приемным сыном Сталина. Это не так. Он был сыном Семена Патоличева, командира кавалерийского подразделения 9-й армии, которая во время Гражданской войны наступала на Львов. Тот был смертельно ранен где-то под Ровно и, умирая на руках Сталина, попросил его позаботиться о сыне. Вот Сталин и опекал Николая Патоличева, как говорили знающие товарищи...

Работы было невпроворот. Переход промышленности на мирные рельсы сопровождался временным снижением производства – до 17 % в 1946 году по сравнению с 1945-м. Рост производительности труда стремились обеспечить развертыванием соцсоревнования. И здесь велика была роль молодежных бригад. Повышение производительности труда сочеталось с экономией сырья, инструментов, электроэнергии.

Комсомольцы осуществляли шефство над Днепрогэсом и другими важными объектами. Молодежные контрольные посты следили за своевременным и качественным выполнением заказов. Уже в марте 1947 года Днепрогэс дал первый промышленный ток.

Комсомольцы помогали электрификации села, строительству домов для колхозников, участвовали в создании полезащитных лесонасаждений. В ответ на призыв партии киевские комсомольцы взяли шефство над осушением Ирпеньской поймы под Киевом.

Большую роль в идейном воспитании молодежи играла сеть комсомольского политпросвещения, где обучалось более миллиона юношей и девушек. В комсомольской работе важное место занимало воспитание дружбы молодежи Украины с ровесниками из других республик. Вся эта работа была направлена на то, чтобы объединить молодежь великой

целью преобразования своей Родины, вселить в молодых веру в свои силы, дух бодрости и оптимизма...

Поскольку менялся первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины, на пленум ЦК из Москвы приехал второй секретарь ЦК ВЛКСМ Всеволод Иванов. Это был интересный человек: политически грамотный, острый, наблюдательный. Всю блокаду он был первым секретарем Ленинградского обкома комсомола, друг А.А.Кузнецова, первого секретаря Ленинградского обкома партии. В свое время мы в Кузбассе читали его дневники, изданные в военное время и разосланные по всем комсомольским обкомам.

С Ивановым приехала Тамара Ершова, секретарь ЦК ВЛКСМ по школам. Умная и симпатичная женщина, она хорошо показала себя в комсомоле: работала в Антифашистском комитете комсомола, ведала международными вопросами.

Они надеялись, что Л.М.Каганович их примет и сразу же пройдет пленум ЦК комсомола. Но Каганович их не вызывал, а сами они не решались его беспокоить. Прошел день, второй...

Наконец они вынудили меня позвонить помощнику. Результат тот же – не принимает ни их, ни меня. Иванов стал заводиться: на короткой ноге с Кузнецовым, со Ждановым, а тут полное неприятие! Наконец ночью звонок:

– Лазарь Моисеевич просит вас зайти к нему. Захватите и секретарей ЦК.

Приходим. Идет заседание Политбюро ЦК. Глубокая ночь. Ждем еще час. Наконец приглашают.

Каганович объявляет:

– Ну, теперь вопрос о первом секретаре ЦК ЛКСМ. Вот мы тут советовались и пришли к единому мнению, что нужно рекомендовать к избранию молодого, прямо скажем, «зеленого» человека. Каково мнение ЦК ВЛКСМ? – обращается он к Иванову и Ершовой.

– Мы согласны, – с облегчением отвечают те.

И тогда Каганович, обращаясь ко мне, говорит:

– Вот вас-то мы и будем избирать первым секретарем ЦК комсомола.

Для меня это было полной неожиданностью.

– Лазарь Моисеевич, я не готов! У меня не получится!

– Не получится – выгоним. Другого найдем.

– Так ведь есть Митрохин, второй секретарь.

– Это мы и без вас знаем. Митрохин, а не Митрохненко. А для Украины это не годится. А вы – украинец, язык знаете, родились и выросли на Украине. Будем вас избирать.

Каганович, выйдя из-за стола президиума, пожал мне руку и сказал, что впервые поздравляет первого секретаря ЦК комсомола, еще не вышедшего из комсомольского возраста.

– У казаков Запорожской сечи, – сказал он, – был обычай сыпать землю на голову избранника, чтобы не отрывался от земли. Здесь земли у меня нет, есть только корзина с мусором, не высыпать же вам мусор на голову! Правда, – продолжал он, – есть другой обычай...

При этих словах он вдруг резко и сильно двинул меня в плечо! От неожиданности я чуть не упал, но устоял на ногах.

– Вот это хорошо, – одобрительно сказал Каганович. – Раз на ногах удержался, толк будет.

На этом все закончилось.

После двух дней томительных ожиданий собрался наконец пленум ЦК комсомола Украины. Заседание происходило в зале для пленумов ЦК партии. Вел его второй секретарь

ЦК комсомола. Обсуждались разные текущие вопросы. Часов в 6 вечера объявили перерыв до 20 часов. Делегаты собрались к этому часу.

Но у Кагановича свой распорядок дня, как у И.В. Сталина: обед – с 18 до 19 часов, послеобеденный сон – до 21 часа, а потом работа – до 4–5 утра. Пленум собрался, а Кагановича нет, и никто не берет на себя смелость позвонить ему. Где-то в 10 вечера он появился: «Давайте начинать».

Предварительно Г.Г. Шевелю было сказано, чтобы он выдвинул мою кандидатуру.

Избрали меня единогласно.

Все разъехались, а я остался один на один с Митрохиным.

Каганович завел тогда такой порядок: на заседания Политбюро, Секретариата, на любое совещание, если меня приглашали, со мной всегда в роли «дядьки» ходил Митрохин – подстраховывал.

И начались мои будни в роли первого секретаря ЦК ЛКСМ Украины.

Первой моей задачей было быстро подобрать секретарей ЦК. Вторым секретарем по пропаганде я взял Г.Г. Шевеля с университетским образованием. Хороший был работник и к тому же хорошо пел. Я с ним проработал до 1950 года без забот и осложнений.

Константину Коваленко я предложил стать секретарем по кадрам. У него с национальностью было «почище», чем у меня: мать – гречанка, отец – украинец, но по окончании Казанского авиационного института он в анкете – в графе «национальность» – записал себя... татаринном и долго потом не мог этот ляпсус исправить. Я пытался ему помочь, но это было очень сложно.

Лидию Гладкую я сделал секретарем по пропаганде, Людмилу Шендрик – секретарем по школам. Подобралась отличная команда зрелых, эрудированных, волевых людей, которая меня никогда не подводила и достойно представляла комсомол Украины.

Отличным был и мой главный актив – 25 первых секретарей обкомов комсомола из 25 областей: Б. Шульженко в Киевском обкоме, Максим Понипка в Полтаве, М. Андросов в Запорожье, Г. Мищенко (Мищенко Василий – в Тернополе) в Житомире, Александр Кадрышев в Одессе, Петр Елистратов в Херсоне, А. Смирнов в Днепропетровске, Кириченко в Харькове, Лысенко в Черкассах, Цыбулько в Сталино, Кулик Владимир во Львове и другие. Многие из них были прирожденными партийно-комсомольскими деятелями, золотой фонд партии и комсомола.

А началась моя работа первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины со знаменательного события. В 1948 году предстояло празднование 30-летия комсомола. В связи с этой датой во всех уголках страны обсуждалось и подписывалось письмо комсомольцев и молодежи Советского Союза «вождю народов, учителю и другу советской молодежи» Иосифу Виссарионовичу Сталину. Постоянно в печати сообщалось, сколько миллионов подписей собрано.

Буквально на следующий день после избрания меня срочно вызывают на заседание Секретариата ЦК партии. Я недоумеваю и спрашиваю у девчат в приемной о причине вызова, те тоже ничего не знают: «Сказал: срочно вызвать».

Захожу. Каганович кивнул:

– Садитесь. Ваш вопрос будет последним.

В конце заседания Каганович говорит:

– Теперь обсудим молодого, да раннего. Только начал, а уже свои порядки заводит.

Я встаю ни жив, ни мертв.

– Слушайте, что вы там обсуждаете сейчас по всей Украине?

Я с облегчением вздохнул:

– Обсуждаем проект письма товарищу Сталину.

– На каком основании вы его обсуждаете, если мы, два члена Политбюро ЦК ВКП(б), – он кивает на сидящего рядом Хрущева, – не знаем ни текста, ни самого факта: кем прислано это письмо и откуда оно появилось? Как это понимать?

– Мы получили проект письма из ЦК ВЛКСМ и перевели его на украинский язык.

– Вот это молодцы. Додумались. Почему мне не сообщили?

– Я даже не подумал. Ведь секретарь ЦК по пропаганде подписал телеграмму в обкомы партии, чтобы оказали содействие.

– Какое право он имел это делать?! Ты неопытный – просишь, он опытный – подписывает, а мы с Хрущевым ничего не знаем об этом?! – разбушевался Каганович.

– Михайлов сказал мне, что текст одобрен Политбюро, – пытался я оправдаться.

– А мы что, уже не члены Политбюро?! Давайте текст письма!

– У меня с собой нет, я не знал, что меня вызывают по этому вопросу.

– Ну, ладно, – уже спокойнее сказал Каганович, – пришлите мне и русский, и украинский тексты.

После Секретариата я сразу направился к себе. Звоню Н.А.Михайлову и докладываю, что получил выволочку за то, что два члена Политбюро ничего не знают о письме. Николай Александрович растерялся:

– Что? Как это «не знают»? Что говорили? Какие замечания? – разволновался он.

– Не знаю. Я передал каждому по несколько экземпляров – и тому, и другому, а дальше не знаю, как быть. Может быть, вы им позвоните?

– Нет, я звонить не буду. А как идет сбор подписей? Каганович отменил его?

– Все идет нормально. Он ничего не отменял.

На другой день звоню помощнику Кагановича, спрашиваю: есть ли какие-то указания?

Ребята смеются: «Никаких указаний нет, ничего не будет, потому что письмо составлено отлично». Действительно, лучшие писатели и поэты трудились над письмом. Все отшлифовано. Заканчивалось письмо стихами:

Мы имя вождя и в бою, и в труде
Несем, как гвардейское знамя.
Оно молодежь вдохновляет везде,
Как солнце сверкает над нами.
Наш мудрый учитель! Наш вождь и отец!
Клянемся мы радостью жизни,
Клянемся всей кровью горячих сердец
Служить беззаветно Отчизне.

И далее – в том же духе. Всего 32 стихотворные строки. Письмо обсудили на собраниях молодежи и подписали его 33 477 219 человек! Его полный текст был опубликован в газете «Правда Украины» в день рождения комсомола 29 октября 1948 года. Там же поместили и мою статью к 30-летию ВЛКСМ. Я упомянул в ней многих героев-комсомольцев, отдавших жизнь за свободу своей Родины: Александра Бойченко, краснодонцев, Зою Космодемьянскую, Евгению Рудневу, Александра Матросова, Лялю Убийвовк, и героев-тружеников: Петра Кривоноса, Марию Демченко, Марину Гнатенко, Пашу Ангелину и их преемников – комсомольцев-новаторов: знатного проходчика Донбасса Николая Лукичева, многостаночницу Марию Волкову, инициатора борьбы за высокое качество Клавдию Зинову, звеньевую Надежду Кошик, ленинградского токаря Борткевича, трудом которых строились Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, домны Магнитки, туннели Московского метро, Комсомольск-на-Амуре, а теперь восстанавливались «Запорожсталь», Донбасс, Днепрогэс, заводы, шахты, домны, железные дороги.

Комсомольские организации Украины в ту пору имели в своих рядах 1 200 000 человек, из них 250 000 работали в промышленности и на транспорте. В сельской местности комсомольцев насчитывалось более 400 000 человек. Вся эта великая армия активно участвовала в освоении новой техники, в движении за экономию, овладевала наукой.

«Самое замечательное в советской науке, – писал я, – то, что она не замыкается в лабораториях и кабинетах ученых. У нас наука, передовая техника, новаторство входят в производственные процессы предприятий, колхозов, совхозов».

Период, когда Каганович руководил Украиной, был для меня временем постоянного недосыпа. Новый «первый» требовал от своих подчиненных, чтобы они были в его распоряжении практически в любое время дня и ночи. Хрущев обычно завершал свой рабочий день около полуночи и утром приступал к работе вместе с остальными сотрудниками, Каганович же мог заправлять делами до семи утра, а потом отсыпаться до полудня.

К этому времени у нас с женой появился ребенок, и жить в гостинице стало крайне неудобно. Узнав об этом, Каганович потребовал, чтобы мне дали квартиру. И мне дали громадную квартиру в пять комнат. Я забрал к себе отца с матерью. Часто гостили у нас братья, сестра. А на большие праздники: 7 Ноября, 1 Мая, дни рождения все съезжались семьями, с детьми. Это было счастливое время.

В январе 1950 года ушел из жизни отец.

Когда сын наш немного подрос, жена стала работать в Киевском политехническом институте.

Однажды среди ночи я понадобился Кагановичу. Меня искали на работе, но не нашли, так как я спал дома. Шум поднялся страшный: как это так, высший партийный руководитель должен ждать меня целых полчаса! А ему нужно было лишь что-то уточнить, какую-то мелочь. Сейчас даже не помню, по поводу чего была эта паника. Но урок я извлек – поставил койку рядом с кабинетом! Правда, лечь я все равно мог не раньше пяти утра, потому что до первых петухов звонил в приемную Кагановича и спрашивал: «Сидит?» Отвечали: «Работает».

А Хрущев оставался при своем регламенте: в 10 часов появлялся на работе, в 4 часа уезжал на обед, в 6 часов возвращался и в 10 вечера уезжал домой. Весь Киев мог часы проверять по хрущевской машине, весь Киев знал, что Хрущев едет на обед или с обеда.

Таков был распорядок дня двух руководителей республики.

А что делать остальным? Особенно тяжело доставалось министрам. Они ведь были нужны то Хрущеву, то Кагановичу. И получалось, что те, бедняги, круглые сутки дежурили в своих кабинетах.

В довершение всего Каганович запретил проезд автомашин по той улице, на которой он жил. Секретари ЦК комсомола, приезжавшие на работу (а здание располагалось как раз на этой улице), вынуждены были следовать пешком, а их машины целый день болтались где-то на соседних улочках.

Так продолжалось несколько месяцев.

Первым против Кагановича восстал Патоличев. Затем число протестов стало возрастать: протестовали интеллигенция, часть партийного актива. Создалась весьма нервная обстановка. Видно, все это показало Сталину, что Украина Кагановича не приняла.

Где-то перед ноябрьскими праздниками я был у него на приеме часа в четыре утра. Утром узнаю, что в шесть он был уже на аэродроме и 7 Ноября стоял на Мавзолее во время парада. Не остался в Киеве даже на праздник...

Последний мой разговор с Кагановичем состоялся в 1962 году.

Я стал уже председателем КГБ. Лазарь Моисеевич к тому времени был не у дел, его исключили из партии. По нашим каналам стала поступать информация, что он постоянно ведет разговоры с разными людьми о том, как его незаслуженно выгнали, рассказывает что-то о Хрущеве, критикует власть и прочее. Как-то Хрущев мне говорит:

– Ты его вызови и побеседуй как следует.

Мне тогда было 38 лет, а Каганович – «зубр», потому я выразил сомнение, удобно ли мне это делать. Хрущев ответил:

– Ничего! Он в штаны наложит еще до того, как зайдет в твой кабинет!

Я дал команду позвать Л.М.Кагановича, на беседу пригласил и начальника контрразведки. На следующий день мне докладывают, что Каганович от нашей машины отказался, приедет на такси, но попросил разрешения прийти с дочерью Майей.

Я не возражал.

Являются, с узелком. Словом, готовы ко всему. Дочь осталась ждать в приемной. Каганович зашел в мой кабинет.

Начал с бравады: стал что-то говорить о том, что он не раз бывал в этом кабинете, и прочее. Когда я ему все высказал, он попытался было возражать:

– Да с чего вы взяли? Ничего такого не было!

Когда я ему объяснил, что мы знаем, что, когда и кому он говорил, он отреагировал немедленно:

– Я обещаю! Передайте тому, кто вам поручил провести этот разговор, что такого больше не будет!

Это была последняя наша встреча...

Школа Хрущева

Девять месяцев спустя после своего смещения, в декабре 1947 года, Никита Сергеевич Хрущев снова стал первым секретарем ЦК КП Украины. И.В.Сталин признал его авторитет в республике. Он не хотел, чтобы там нарастала напряженность, которая подпитывала бы националистические настроения. Возвращение Хрущева было воспринято на Украине с большим удовлетворением.

Примерно через неделю после водворения Хрущева я позвонил ему с просьбой о приеме, так как вопросов набралось достаточно. Звоню часов в десять вечера:

– Никита Сергеевич, можно к вам?

– Когда?

– Сегодня можно?

– Нет. Имей в виду, ночью условимся спать, а работать будем днем. И сегодня я через полчаса уезжаю и тебе советую. А впредь ты можешь даже раньше меня на час-два уходить с работы. Ты помоложе, и нечего тебе здесь засиживаться. А завтра-послезавтра мы с тобой встретимся. Поверь, тут запомнят, что ты звонил.

И действительно, на второй день мне звонок:

– Никита Сергеевич просит вас подъехать...

С отъездом Кагановича все встало на свои места. Коротченко ушел на пост председателя Совмина Украины, а Мельников стал вторым секретарем ЦК КП республики и начальником Управления по проверке партийных органов в аппаратах ЦК.

Говорят, Сталин предложил Хрущеву на должность второго секретаря Задонченко, но Хрущев сказал, что «чужих» ему не надо: «Найдем своего человека».

Я пробыл первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины при Хрущеве с октября 1947 по январь 1950 года. Два с половиной года. Съезд партии Украины в 1948 году избрал меня кандидатом, а затем членом ЦК КП Украины.

Избрание меня в ЦК партии произошло довольно курьезно. Никита Сергеевич, выйдя на трибуну, перепутал карманы: в одном из них был список Оргбюро ЦК, в другом – Политбюро. Объявив о составе Политбюро, он стал зачитывать список (а многие фамилии там повторялись), но, дойдя до моей фамилии, остановился:

– Э нет, этому еще рано, это не тот список.

И достал список из другого кармана:

– Вот это действительно Политбюро ЦК.

Хрущев много внимания уделял моему воспитанию. Часто я слышал по телефону:

– Если у тебя есть время, приезжай – я тут двух министров приму, а ты посидишь.

После встречи иногда спрашивал:

– Твое мнение?

Я вначале робел, а потом стал анализировать более смело. Становился более самостоятельным. Нелегко это давалось.

Как-то принес ему перечень вопросов для рассмотрения. Докладываю. Первый – не подходит, второй – тоже нет. Чувствую, он какой-то взъерошенный весь. Так дошли до шестого вопроса, и вдруг он взорвался:

– Подожди-подожди, почему ты не отстаиваешь, не защищаешь? Вы ведь готовили это с секретарями ЦК, обсуждали эти вопросы. Вы их продумывали, и аргументов было полно, а теперь сдаешься при первом же моем возражении.

– Ну как же мне с вами спорить...

– Нет, давай все сначала. Ты докажи, что прав. Да и я сейчас буду слушать внимательно, а то меня тут взвинтили.

Ну, я заново начал докладывать, и почти все вопросы решили положительно.

Он мне всегда говорил: «Ты спорь со мной, отстаивай свои позиции. Мы же не частные лица: ты – секретарь комсомола, я – секретарь партии. Ты от имени кого пришел? И куда пришел? Ты пришел в партию, так и отстаивай комсомол!»

Нет цены тому политическому опыту, которым в послевоенные годы делился со мной Хрущев! Вначале наши отношения можно было сравнить с отношениями отца и сына. Никита Сергеевич часто приглашал меня к себе в кабинет, иногда только для того, чтобы я мог, укромно устроившись, слушать, как он ведет беседы с министрами, с другими важными политиками.

И всю его науку я старался донести до комсомольцев. Когда в феврале 1949 года состоялся XIV съезд ЛКСМ Украины, я выступил с докладом, в котором особо остановился на необходимости совершенствования квалификации молодых рабочих, овладении новаторскими методами, борьбе с нарушителями трудовой дисциплины. Я говорил о том, как важно воспитывать молодежь, как необходимо, развернув массовую работу, заботиться о каждом человеке отдельно.

Хрущев очень доверял мне. Он никогда не давал комсомол в обиду.

Помню, как на одном из совещаний секретарей райкомов партии я в своем выступлении привел факт, когда один секретарь райкома комсомола имел восемнадцать взысканий за то, что как уполномоченный райкома партии не обеспечил выполнения плана по заготовке яиц, шерсти, прополке и т. п. Под хохот всего зала я объяснял присутствующим: поймите, у нас в райкоме комсомола всего два-три работника. Если один из них будет непрерывно работать как уполномоченный, то кто же будет проводить бюро райкома, прием в комсомол, заниматься, в конце концов, молодежью?

После моего выступления взял слово Н.С. Хрущев:

– Мне прислал сейчас записку секретарь райкома, о котором здесь говорили. Он пишет, что взысканий было не восемнадцать, а шестнадцать, в том числе выговоров только пять, а остальные – «предупредить» и «указать». Я даже не буду эти глупости перечислять. Что же вы в обкоме смотрите, если у вас такой человек сидит во главе районной партийной организации? Ведь ему руководить комсомолом надо, а не делать из райкома комсомола «контору по заготовке рогов и копыт». И потом, зарубите себе на носу, что в делах молодежи, защиты ее интересов мы верим больше секретарю ЦК комсомола, чем вам.

Ну, конечно, этого горе-руководителя на другой день освободили от должности, сделали выводы и все такое прочее.

Однажды мы обсуждали на пленуме работу Комитета по кинематографии, и в его адрес было высказано много критики. Присутствовавший на пленуме Хрущев спросил:

– Почему вы не можете вызвать на бюро ЦК комсомола председателя этого комитета Кузнецова и объявить ему выговор? Ведь если вам на обед каждый день давать редьку, вы возмутитесь? А он ведь каждый день вам редьку дает!

– Так вы же меня за это и накажете, – бросил я реплику из президиума.

– Накажу, но через месяц сниму выговор. А вот если мер не будете принимать, объявим выговор и не будем его снимать пять лет.

Он требовал, чтобы любой министр шел ко мне в ЦК, а не я шел к нему, если вопрос касался молодежи.

Сохранением доброй памяти о комсомольцах-подпольщиках «Молодой гвардии» мы целиком обязаны Никите Сергеевичу. Если бы он напрямую не обратился к Сталину, эта организация, как и многие подобные ей, канула бы в неизвестность, попав на проверку в МГБ (Министерство государственной безопасности – так назывались органы государствен-

ной безопасности с 1943 года до самой смерти Сталина). А там сразу: кто кого предал, кто кому изменил и т. д. И это могло тянуться годами! Но поскольку указы были подготовлены своевременно и подписаны быстро Хрущевым и Сталиным, дело завершилось благополучно.

Членов «Молодой гвардии» наградили еще во время войны, многих – посмертно, некоторым были присвоены звания Героев Советского Союза. В Краснодар был послан писатель Александр Фадеев с целой бригадой ЦК ВЛКСМ, которая собирала материал для его книги.

Правда, были и издержки: например, в число славных молодогвардейцев не попал В. Третьякевич.

Я приглашал в ЦК ВЛКСМ людей для выяснения дела, разговаривал, например, с литсотрудником «Комсомольской правды» Костенко, который негативно освещал историю «Молодой гвардии», заявляя, что многое в этой истории выдумано. Я сказал ему: «Прекратите эту свою затею с развенчанием „Молодой гвардии“, на подвигах которой мы воспитали миллионы ребят. Вы хотите поставить под сомнение все, что сделали молодогвардейцы? Да, могут быть издержки и в таком деле. Но коли ты поднял знамя, то не следует его опускать». А то им Матросов – не Матросов, «Молодая гвардия» – не «Молодая гвардия», и пошло-поехало...

С ведущими архитекторами Киева мы разработали проект увековечения памяти молодогвардейцев в Краснодоне: нарисовали планы, сделали макеты, принесли все это в кабинет Хрущева, и главный архитектор Киева А.В. Власов приступил к рассказу. Доклад длился около часа. Хрущев молчал. После доклада он поворачивается ко мне с неожиданным вопросом:

– А сколько город Краснодар будет жить? Кроме шахт, там есть еще какие-нибудь предприятия?

– По-моему, нет ничего.

– Имей в виду: шахтеры, что цыгане. Дело есть – будут жить на этом месте, а нет – фундамент свой даже выкопают и уйдут от шахт. Ты что хочешь, чтобы в степи остались музеи, дворцы, а города не было? Пока не договоришься с министром промышленности Засядько, чтобы там построить какой-нибудь машиностроительный завод, до тех пор никаких монументов не надо возводить. Ты был на Бородинском поле? Что там видел, кроме памятных знаков? А для истории Отечества это место не менее важно, чем «Молодая гвардия».

Между прочим, после Хрущева наставили в Краснодоне памятников, но завода так и не построили, но это уже другая история.

Природа наградила Никиту Сергеевича пытливым, аналитическим умом. Он быстро схватывал суть вопроса. Был непоседа, удивительно общительный человек. Идти к нему на прием – это целое дело. Готовишься, как к государственному экзамену! Никогда не знаешь, какой стороной он повернет вопрос.

Это позже к Брежневу можно было являться с двумя анекдотами – его интерес никогда не выходил за рамки того, что ему докладывали.

Пленумы ЦК партии Украины, на которые меня всегда приглашали, были для меня большой школой. Слушаешь, записываешь, учишься. Хрущеву нравилось, когда комсомол находил свое место в общем деле, вносил конкретные предложения.

Так было со строительством тридцати семи шахт в Донбассе, так позже было с целиной. Он любил и поощрял конкретные дела. В этом смысле с ним легко было работать, потому что он умел находить общий язык с любой категорией людей.

Некоторое время спустя, уже поднабравшись опыта, я воспользовался его наставлениями. Однажды на приеме у него говорю:

– Никита Сергеевич, вы подписали записку в ЦК ВКП(б) с предложением объединить русскую и украинскую молодежные газеты в одну, на двух языках, чтобы в целях экономии устранить дублирование. Тут же предлагается объединить так же две детские газеты.

– Да, я подписал. А что тут плохого?

– Плохо то, что со мной никто это не согласовал.

– Что значит «не согласовал»? – насупился он. – Что вы понимаете? – сразу перешел на «вы». – Вы знаете, сколько стоит содержание этих газет?

И начал читать мне нотацию.

Тогда считалось, что комсомол живет на дотации. Хитрая была такая уловка, которую я раскусил только в ЦК ВЛКСМ. Оказывается, все доходы от изданий молодежных газет и журналов шли в партийный бюджет. Уже работая в Москве секретарем ЦК ВЛКСМ, я добился того, что все доходы от издания «Комсомольской правды», «Пионерской правды» и всех других молодежных газет на местах поступали в комсомольский бюджет. С этого времени мы уже никому не были должны.

Я стал ему возражать:

– Никита Сергеевич, ведь газеты не мы с вами учредали, а при нас они будут закрыты. А в истории останется, что мы с вами похоронили две молодежные газеты, и в придачу – две детские.

– Да я уже подписал, и бумаги ушли в ЦК ВКП(б)! Ты понимаешь, что это такое?

– Вы подписали, а мне никто об этом даже не сказал.

– Ты что, не знал вообще? А ну-ка давай мне подшивки газет. Объясни, почему их нельзя объединить?

Я объясняю, что, во-первых, украинский текст короче русского. В русской газете текст занимает целую колонку, в украинской газете этот же текст займет только половину колонки, а половина останется пустой. Значит, ее нужно будет заполнять каким-то новым текстом. А это уже не дублирование.

С детской газетой еще труднее, продолжал я. В ней ребусы, кроссворды и т. д. Все придется делать заново. Следовательно, придется сохранять те же штаты и прочее. Сейчас эти газеты имеют свой актив, своих корреспондентов. Все это придется разрушить, да еще и переросорить их между собой.

– Подожди, а может быть, твои девчата, Лидия Гладкая или Людмила Шендрик, были знакомы с этим вопросом? Может быть, это они дали согласие?

– Да они сами прибежали ко мне и возмутились таким решением.

– А, так, значит, это Назаренко подсунул мне!

Вижу, разозлился Хрущев. Поднимает трубку телефона, и при мне состоялся нелестный разговор с Назаренко. Хрущев приказал ему отозвать записку. Тот стал возражать, доказывая, что это невозможно.

– Я знаю, – говорил Хрущев, – что ЦК ВКП(б) ни умные, ни дурные записки не возвращает. Если они попали туда, зарегистрированы, там и остаются. Но если будет принято решение об объединении молодежных и детских газет, мы тебе объявим на Политбюро по меньшей мере строгий выговор! Я ставлю тебе задачу: ты подсунул мне этот документ без согласования с комсомолом, ты и выкручивайся, как хочешь!

На следующий день ко мне врывается секретарь ЦК комсомола по пропаганде и с возмущением говорит, что Назаренко от него требует подписать задним числом документ о том, что он якобы дал согласие на это слияние газет.

Я снова к Хрущеву, рассказал этот случай:

– Никита Сергеевич, почему после разговора с вами товарищи из аппарата ЦК подсовывают моим работникам на подписание бумаги, чтобы перед вами комсомол глупо выглядел?

Я не знаю всех подробностей дальнейшего хода событий, но записка не рассматривалась в ЦК ВКП(б) и газеты были сохранены.

Это пример того, каким плодотворным может быть возражение начальству.

Правда, уже позже Хрущев мне как-то попенял:

– Ну и нахрапистым ты стал!

– Вы же сами учили меня возражать вам и отстаивать интересы молодежи. Если я не буду этого делать, меня актив заклюет. Скажут: «Ты что там – за сторожа сидишь?»

Он засмеялся:

– Вот на свою голову научил...

Как-то Хрущев мне помог в, казалось бы, безнадежном деле.

После войны вся наша семья снова встретилась на Украине. Исключением, как я писал выше, стал только брат Борис. Мы получили известие о том, что он осужден на 25 лет лишения свободы и отбывает наказание в Сибири, в лагере, работает на рудниках Хабаровского края. Раненый, он попал в плен в первых же боях, а после освобождения из плена его отправили в наши лагерь, так как кто-то на него наговорил, что он-де сотрудничал с немцами.

Это было страшное известие, особенно для матери. Она часто со слезами на глазах просила меня попытаться помочь брату, хоть как-то облегчить его положение. Она хотела, чтобы Бориса хотя бы перевели в подобный лагерь поближе к дому, в Донбасс, строить шахты. Там в то время и заключенные работали.

Я обратился с двумя письмами в управление МГБ Хабаровского края. В то время начальником там был Гоглидзе, один из двух братьев, ставших позже сотрудниками Лаврентия Берии. После ареста Берии их также расстреляли.

В своих письмах я делал упор на то, что у Бориса больные легкие, что он страдает силикозом, который приобрел в немецких, а потом наших лагерях. Я спрашивал, нельзя ли перевести его для дальнейшего отбывания срока в Донбасс.

Брату я также написал несколько писем, но о своих шагах не упоминал, а лишь сообщал, что дома нового, как себя чувствует мать, что делает отец, что делаю я сам.

От Гоглидзе я ждал ответа напрасно. Оттуда все мои письма – и в управление МГБ, и брату – переслали в Украинский ЦК партии. Хрущева в это время не было – он находился в Варшаве, – и меня вызвал Л.Г. Мельников, который к тому времени работал в ЦК партии, и начал меня прорабатывать, выражать недоверие. Разговор был грубый, неприятный: что, мол, у меня за переписка с осужденным.

А на следующий день я уже летел по вызову в Москву, где последовала невеселая встреча со вторым секретарем ЦК ВЛКСМ Всеволодом Ивановым (Михайлова тоже, к сожалению, не было в Москве). Суть его разговора со мной состояла в том, что мне не следовало бы защищать «врага народа» и что таким, как я, нечего делать в комсомоле. Вопрос, как я понял, ставится уже о моем освобождении.

В Киев я вернулся совершенно убитым. Понятия не имел, что меня теперь ожидает. Мне начинало казаться, что не брат приедет ко мне, а я последую за ним.

Вдруг звонок – Хрущев:

– Что там у тебя произошло?

– Так вот, видно, мне надо прекращать работу.

– А ну приезжай ко мне.

Когда я ему все рассказал, он спрашивает:

– А ты здесь при чем?

– Да я тоже так считаю. Но ведь и ваш второй, и тем более Иванов не так думают.

– Ну и дураки. А ты-то что нос повесил?

– Поймите меня, Никита Сергеевич, – объяснял я ему, – если со мной что-то случится, если меня накажут или снимут с работы, да еще если и по партийной линии будут приняты меры, то пострадает вся наша семья, все полетят по «принципу домино». И отец, и все остальные братья, и сестры – все коммунисты. Все они образование получили от Советской власти, благодарны и преданы ей. И нет среди них врагов народа.

Он ответил коротко:

– Иди. Не тревожься и спокойно работай.

Больше мне никогда никто не вспоминал этот случай.

Только годы спустя, после разоблачения культа личности, когда я уже работал в Москве, состоялась амнистия, и я встречал брата на вокзале: он ехал из Хабаровска. Там он работал на кварцевых рудниках, и силикоз его вскоре добил в возрасте далеко не старом.

Позже, когда я работал в ЦК, я попросил принести свое личное дело и там нашел письмо Хрущева на имя Сталина. Были там такие строки (цитирую по памяти): «Я прошу за нашего первого комсомольского секретаря, брат которого был призван в армию перед войной... Он не несет за него ответственности... Я лично ручаюсь за его преданность нашему делу...» – и т. п.

Меня оставили первым секретарем украинского комсомола.

Что касается секретаря ЦК ВЛКСМ Иванова, то его жизнь закончилась трагически: уже став партийным работником, он был раздавлен бериевскими жерновами. Его обвинили в участии в вымышленном заговоре. В конце сороковых годов Берия и его приспешники таким образом устранили многих своих конкурентов из сталинского окружения. Это было так называемое Ленинградское дело. Иванов в тюрьме повесился.

В ЦК ВЛКСМ

До своего отъезда с Украины Хрущев отверг просьбу первого секретаря ЦК ВЛКСМ Михайлова о моем переводе в столицу на работу в ЦК комсомола. Хрущев тогда сказал, что для работы в центре я еще слишком молод.

Потом Михайлов как-то раз пригласил меня к себе, но, узнав, что я как первый секретарь ЦК ЛКСМУ получаю зарплату в два раза больше, чем секретарь ЦК ВЛКСМ, от этой мысли отказался: «Да мы тебя не прокормим», – поллуштуливо сказал он.

Михайлов долго был первым секретарем ЦК ВЛКСМ – с 1938 по 1951 год. Как-то позже, когда я уже работал в Москве, я сказал ему:

– Николай Александрович, когда я вступал в комсомол, вашу биографию на бюро райкома комсомола рассказывал.

Думал ему приятное сделать, а получилось неловко. Обиделся Михайлов:

– Вечно вы, украинцы, всякие анекдоты придумываете.

А вот когда Хрущев в Москве занял пост первого секретаря МК и МГК, Михайлов сообщил мне, что Никита Сергеевич в разговоре с ним одобрил мой перевод в ЦК ВЛКСМ. Так что и я расстался с Украиной.

Конечно, жаль было покинуть своих единомышленников, друзей, товарищей. Но в комсомоле такие ситуации не были предметом особых переживаний: все же наверх ухожу!

В Москве я занял пост секретаря ЦК ВЛКСМ. До моего прихода в ЦК было пять секретарей. Я стал шестым. В сферу моей деятельности входили вопросы сельской и армейской молодежи. Занимался я также вопросами спорта. Потом стал ведать кадрами и оргделами, затем финансами, потом управделами – в общем, всеми вопросами, кроме идеологических, я занимался основательно.

Вторым секретарем ЦК ВЛКСМ тогда был Александр Николаевич Шелепин. Мы еще лучше узнали друг друга, и дружба наша окрепла. Секретарями были А. Харламов, З. Федорова, Т. Ершова и В. Кочемасов.

В то время, когда я обустроивался после Киева в Москве, Сталин где-то сказал: «Мы берем людей из республик в центральные органы. Сейчас будут выборы в Верховные Советы республик. Надо, чтобы их избрали депутатами. Не надо их обижать». И меня избирают депутатом в Верховный Совет Украины от Черниговской области – был депутатом Верховного Совета Украины четырех созывов.

Я стал более глубоко познавать жизнь во всем тогдашнем Советском Союзе, выезжал и за границу. Мои пути вели меня прежде всего в страны социалистического лагеря.

В 1950 году я впервые посетил народный Китай в составе делегации Международной федерации демократической молодежи. На площади Ворота небесного спокойствия мы отмечали первую годовщину китайской революции. По Пекину меня сопровождал сын самого Мао, по-русски мы его называли Александром Ивановичем, потому что он воспитывался у нас в Иванове, в детском доме.

В этом детском доме воспитывались в свое время дети многих эмигрантов и известных деятелей иностранных коммунистических партий, которые тогда находились на фронтах, в подполье или по каким-то иным причинам не могли сами позаботиться о своих детях.

И сын Мао сначала научился говорить по-русски, а уже потом по-китайски. У него с отцом даже возникали при этом недоразумения. Так что во время поездок по Китаю он был отличным переводчиком. Мы вместе встречались с Дэн Сяопином, будущим генеральным секретарем ЦК КП Китая, и Чжоу Эньлаем – главой правительства.

Когда Китай вступил в корейскую войну, Мао Цзэдун послал своего двадцативосьмилетнего сына воевать, и Мао Анунг, он же Александр Иванович, сложил голову на Корейском полуострове.

Довелось мне также посетить и капиталистические страны: Австрию, Францию и землю тысячи озер – Финляндию.

Именно во время первой поездки в Финляндию в 1951 году я ближе познакомился с Вячеславом Михайловичем Молотовым, который в течение 1930–1941 годов был главой Советского правительства – Совнаркома, а начиная с 1939 года – министром иностранных дел при Сталине. Финны пригласили нас на съезд своей молодежной организации, и Молотов хотел воспользоваться предоставленной возможностью.

– Попробуйте задержаться подольше, – говорил он мне, – поездите по всей стране, повстречайтесь с молодыми людьми, произведите на них впечатление.

Финляндия тогда шла к выборам, и ему хотелось, чтобы наша страна пропагандировалась как можно лучше.

Все мои встречи с Молотовым носили официальный характер. Это был замкнутый человек, можно сказать, сухарь и при том дипломат. На трибуне, среди других членов Политбюро, он выглядел самым удрученным, словно был больным. А в конце концов пережил их всех. Он умер в 96 лет, дожив до горбачевской перестройки.

В апреле 1951 года в Москве был создан Советский национальный олимпийский комитет, а месяц спустя в Вене он был признан и Международным олимпийским комитетом. Это означало, что в будущих Олимпийских играх, которые должны были состояться в 1952 году в Хельсинки, впервые в истории этих игр смогут принять участие спортсмены из СССР.

Все эти события сопровождалась нелегкой закулисной борьбой: «холодная война» проникла и в сферу спорта. Первые проблемы возникли из-за стычек между народным Китаем и чанкайшистским Тайванем. В конце концов Тайвань отказался участвовать в этих играх, а в Пекин приглашение поступило поздно, так что в Хельсинки многомиллионный Китай был представлен всего-навсего одним спортсменом.

Не смогли участвовать в играх и представители ГДР, так как эта страна еще не имела международного признания и не состояла в членах МОК. В итоге западные немцы стартовали в Финляндии под провокационно выглядящим названием – Deutschland.

Политические схватки, связанные с Олимпиадой, мне пришлось испытать на собственной шкуре, когда в середине июля довелось отправиться в Хельсинки вместе с нашей делегацией, которая насчитывала 295 человек.

Самым острым вопросом в ходе Олимпиады в связи с выступлением советских спортсменов стала не китайская проблема и не споры о разделенной Германии. Яблоком раздора оказались советско-югославские отношения.

После освобождения от фашизма на востоке Европы, за так называемым «железным занавесом» возник лагерь социалистических стран, находившихся в большей или меньшей зависимости от Советского Союза. Некоторые из них пришли к диктатуре пролетариата собственным путем, другие – благодаря советскому военному присутствию.

Однако Югославия выбрала свою дорогу в будущее. Вождь югославских коммунистов Иосип Броз Тито, как и Сталин, был сильной личностью. Он хотел доминировать на Балканском полуострове таким же образом, как это делал Сталин в Восточной Европе. Лоб в лоб сшиблись две твердые головы, и результатом был такой разрыв между СССР и Югославией, который проявился даже на олимпийской встрече по футболу в Хельсинки.

В пропагандистском походе против Югославии мы, равно как и они против нас, не знали удержу. Когда два оппонента сходят с цивилизованного пути, отказываются от разумных дискуссий, остаются лишь глупые оскорбления и ссоры, которые никого ни в чем не могут убедить. Мы, оперируя убогой аргументацией, изобличали Тито как палача, фашиста

и глупца, его соратников честили оскорбительными словами. Югославы платили нам той же монетой.

В футбольной встрече наших команд сначала вели в счете югославы. Футболисты на поле оскорбляли друг друга, репортеры выходили из себя. Они находились на трибунах стадиона неподалеку от нас, так что мы могли слышать, что они говорили.

Стоило только югославу при счете 3:0 заявить, что «пошла на слом, рушится сталинская машина», как у наших футболистов открылось второе дыхание, и они забили гол, потом другой, третий!.. В конце концов успели забить четвертый и даже пятый! Нам удалось сравнять счет – 5:5.

Тут уж во все горло кричали наши репортеры, и в этом шуме потонул голос югослава. После финального свистка югославы вошли в такой раж, что плакали, валялись по футбольному полю и рвали руками траву. Дополнительное время не изменило результата, и встречу предстояло на следующий день повторить, потому что по правилам в дальнейших соревнованиях могла участвовать только команда-победитель.

При немалой поддержке английского судьи на другой день выиграли югославы 3:1. Матч со стадиона в Тампере транслировали по радио (телевидения тогда еще не было).

Победу праздновала вся Югославия. У нас же было что-то вроде траура. Некоторых наших функционеров даже наказали за это поражение.

Но больше всего Кремль был рассержен результатами общих итогов участия в Олимпийских играх: мы получили меньше наград, чем спортсмены США, и в общей таблице заняли второе место, вслед за ними.

Учитывая то, что в Олимпиаде мы участвовали впервые, результат, на мой взгляд, был не так уж плох. Мы информировали об этом Москву, еще находясь в Финляндии, посылая руководству страны шифрованные телеграммы.

По возвращении в Москву руководство делегации прямо из аэропорта затребовали в Кремль. Ждал нас там весьма холодный прием. Принимали нас Г.М. Маленков, М.А. Суслов, Л.М. Каганович. У всех было кислое выражение лиц.

Маленков постепенно успокоился, а Л.П. Берия, который пришел позже, комментировал все в своем духе, дескать, не туда вас привезли, вас следовало бы отправить по иному адресу. Куда именно – угадать нетрудно. У него на каждый чих было одно лекарство: тюремная камера. Обманулись мы в вас, говорили нам, и критиковали за все и вся. Подобной встречи мы решительно не ожидали.

В такой напряженной атмосфере мы провели время до утра.

Когда чуть рассвело, Маленков отправился проинформировать обо всем Сталина. Вскоре он вернулся и велел нам вместе с секретарем по идеологическим вопросам Сусловым подготовить для печати заявление от имени руководства делегации. Мы взялись за работу, машинистки были рядом, так как при Сталине весь аппарат работал обычно до шести-семи часов утра.

Маленков отнес готовый текст заявления Сталину и вернулся с его замечаниями через полчаса.

В своем заявлении мы лестно отозвались о спортсменах Венгрии, которые завоевали третье место – сразу же после нас. Сталин сделал замечание, что нужно отметить еще спортсменов Чехословакии, занявших десятое место, так как, мол, и они достойно представляли на Олимпиаде свою страну.

Особенно он считал нужным отметить достижения чешского бегуна Эмиля Затопека, который победил соперников не только на дистанциях в пять и десять километров, но и в марафонском беге. В общем, чехов следует поддержать, решил, по словам Маленкова, Сталин.

Когда в тексте была поставлена последняя точка, солнце в небе стояло уже довольно высоко. Центральная партийная газета «Правда» задержала из-за нашего заявления свой выпуск, и номер вышел в свет только в два часа дня.

К счастью, никаких «оргвыводов» по отношению к нам сделано не было...

Упомянутое бдение в Кремле было моей первой и единственной личной встречей с Лаврентием Берией. Позже, в 1953 году, когда его арестовали, а затем и расстреляли, я находился с делегацией в Китае. Советский посол в Пекине Василий Васильевич Кузнецов знал о последних событиях в Кремле, но держал все в великом секрете.

Об аресте Берии мне сообщила Мария Захарьева, секретарь болгарского Союза димитровской молодежи. Она прибежала ночью, долго стучала в дверь моего номера, пока я не проснулся, а потом огорошила сообщением:

– Ты спишь, а у вас дома арестовали Берию как врага народа. Собери свою делегацию и сообщи им эту новость.

Сама Мария узнала все от болгарского посла, который поймал эту весть по радио.

Я сразу же собрал членов делегации, и мы вместе с болгарами отметили падение Берии в пекинской гостинице бутылкой прекрасного болгарского вина.

Через два месяца после Олимпиады в Хельсинки, с 5 по 14 октября, в Москве проходил XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Первый секретарь ЦК комсомола Михайлов был на этом съезде избран секретарем ЦК КПСС, а его пост в комсомоле занял Александр Николаевич Шелепин.

Сам я был среди приглашенных и слушал короткое выступление И.В.Сталина. Он говорил об опасности, которую представляют социалисты и социал-демократы в ряде стран. Они подняли знамя национального и социального освобождения, но не удержали его; коммунистам предстоит подхватить это знамя и понести дальше. Коммунисты – единственные защитники интересов рабочего класса, подчеркивал Сталин. Соцдемократия же предала интересы рабочих.

Я никогда не встречался со Сталиным лично, но его выступление меня заинтересовало. И манера говорить у него была особенная. Он словно декламировал, слова произносил неторопливо, к тому же с небольшим акцентом, и тем не менее его речь была полна темперамента.

XIX съезд КПСС был последним съездом партии, руководимой сталинским ЦК.

Комсомол был отличной школой кадров. Люди проходили у нас не только кабинетную практику, но принимали непосредственное участие в государственных делах. Комсомолу доверяли дела, от которых в немалой степени зависели успехи в экономическом развитии всей страны. Особую страницу в ее историю вписали комсомольцы-целинники.

Целина – это освоение 34 млн. га земли. Это Казахстан, Алтай, немного Ставропольский край, Кулундинские степи и т. д. Туда с 1954 года было направлено более 350 тысяч молодых людей.

Поскольку на первых порах я занимался сельской молодежью, мой кабинет по существу превратился в штаб, из которого я направлял молодежь, занимался ее обустройством, снабжением и т. п. Ко мне приходили заместители министра сельского хозяйства, люди из колхозов и совхозов, из МТС, работники железнодорожного транспорта. Здесь рассматривался даже график движения эшелонов и пассажирских поездов. А сколько надо было туда отправить палаток, техники, стройматериалов!

350 тысяч человек – это великое переселение! Одна молодежь – ни папы, ни мамы. Не на кого опереться, спросить совета. Не так уж много удалось туда послать квалифицированных работников, а именно в них нужда была на целине, на местах. Отрывали «от живого»,

отправляя их на освоение новых земель. Первое время жили зимой в палатках. Потом появились бараки, теплые вагончики.

Однажды мы с Шелепиным решили поехать посмотреть, что там делается. Объехали всю целину. Где только не ночевали: Кустанай, Акмолинск, Павлодар, Актюбинск – провинциальные заштатные городишки областного подчинения. Полетели потом в Алма-Ату к Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко, первому секретарю ЦК партии Казахстана.

Бывший славный начальник Центрального штаба партизанского движения времен Отечественной войны принял и внимательно выслушал нас.

Более трех часов мы рассказывали ему о том, что видели, советовались по поводу дальнейшей программы действий: какие вопросы мы собираемся внести на рассмотрение в Совмин СССР, какие – в Президиум ЦК, какой поддержки ждем от него, а какую хотелось бы получить от ЦК партии для разрешения проблем молодежи на целине. Мы представили ему также план записки в Политбюро ЦК о результатах поездки с нашими выводами и предложениями.

Выслушав внимательно, Пономаренко при нас позвонил второму секретарю ЦК партии Казахстана – тогда этот пост занимал Брежнев:

– Леонид Ильич, тут у меня два секретаря ЦК ВЛКСМ. Мы обсудили с ними все принципиальные вопросы. Остались лишь те, которые требуют немедленного решения – оперативные и конкретные. Они к тебе зайдут и расскажут все. Запиши и прими меры: где сменить директора совхоза, где секретарь райкома партии дурной, где со снабжением плохо, или лес не поступает, или еще чего-то недодали.

Потом записку более чем на 40 машинописных страницах мы послали в Политбюро ЦК уже с конкретными предложениями, проектами постановлений Совмина СССР и ЦК. Мы там ставили вопрос о строительстве ветряных движков для освещения и подачи воды, о строительстве школ, медицинском обслуживании и т. д. Программа была солидная, и почти все было принято, а многое сделано.

К великому сожалению, в книге «Целина» Брежнева слово «комсомол» упоминается вскользь, кажется, один лишь раз: дежурили-де комсомольские посты на вокзалах, встречали прибывших на целину. Но ведь комсомол был – и это известно из документов! – основной силой, обеспечившей успех в этой грандиозной эпопее, организацией, решавшей практически все – и кадровые, и материально-технические вопросы, связанные с освоением целины.

Меня иногда спрашивают: нужно ли было распахать казахстанские степи? По целине, особенно Казахстану, однозначного ответа нет. Землю распахали – а урожай получали один раз в пять лет. Еще и технологию не ту применяли. Молотов был отчасти прав, когда говорил: «Я не против освоения целины в принципе, но я за то, чтобы постепенно ее осваивать, не сразу распахать все тридцать миллионов гектаров, а по пять-семь миллионов в год».

Нас наделили правом контролировать, информировать, докладывать. И мы этим пользовались. Например, массу всяких безобразий выявила в то время группа работников ЦК, выезжавшая во главе с секретарем ЦК комсомола Л.К. Балясной на строительство Красноярской ГЭС. Разговор тогда на Бюро ЦК ВЛКСМ был очень резкий, причем на следующий же день итоги его были не только доложены в Центральном Комитете партии, но и опубликованы в «Комсомольской правде».

Если полистать «Комсомолку» того времени, то можно увидеть, что рубрика «Вопросы к министру» занимала в газетах целые полосы: почему не хватает общежитий на стройке, куда мы послали молодежь; почему квалификацию, разрядность не повышают вовремя; почему заработки низкие и т. д. и т. п. Целые серии «почему»! И министры обязаны были ответить делом.

Мы говорили: мы не биржа труда, и если вы просите молодежь помочь вам, то будьте добры, создайте ей условия.

Если министр продолжал артачиться, заявляя, что это не его дело, ему говорили: «Хорошо, завтра мы отзываем молодежь с вашей стройки, и можете набирать рабочую силу через конторы». Он туда-сюда – и сдавался. А что он мог сделать без молодежи?

Тогда аппарат ЦК ВЛКСМ, секретари обкомов и крайкомов комсомола приучались к солидному решению государственных и хозяйственных вопросов.

Позже, когда я работал в качестве заместителя председателя Совета Министров УССР, я дважды присутствовал на съездах ЛКСМ Украины и поражался, как плохо использовалась трибуна. В присутствии всего Политбюро ЦК Компартии республики, всех министров в отчетных докладах ЦК комсомола не было практически ни одного критического слова в адрес министерств и ведомств!

А дальше стало еще хуже. В годы Горбачева лично меня всегда удивляло, что наши газеты печатали сообщение о пленумах ЦК ВЛКСМ в виде заметочек в двадцать-тридцать строк как о малозначительных мероприятиях! И разве из тех коротеньких «тассовских» инфомаций что-нибудь разберешь?

Мы же всегда сами подготавливали такие сообщения и от имени ЦК ВЛКСМ просили опубликовать. Отказа никогда не было. По крайней мере было ясно, что обсуждали, кто и как выступал и чем вообще живет комсомол.

Самостоятельность, высокая ответственность комсомола проявились во время проведения Фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Никаких правительственных комиссий по его подготовке и проведению тогда не создавали – все решал ЦК ВЛКСМ. Был только оргкомитет во главе с А.Н. Шелепиным, и все министры, которые были нам нужны, являлись по первому требованию. Таков был авторитет комсомола.

Фестиваль мы провели без единого сбоя. Приняли в Москве почти 30 000 иностранцев, в одночасье подняв «железный занавес». Хотите создавать дискуссионный клуб? Пожалуйста! Хотите встречаться с молодежью, создавать культурные центры и центры по связи? Пожалуйста!

Все секретари обкомов, крайкомов комсомола были распределены по делегациям. Я был тогда вторым секретарем ЦК и каждую ночь собирал их в ЦК ВЛКСМ для доклада о событиях дня и планирования мероприятий на следующий день. Не обходилось и без мелких неприятностей. Например, докладывают, что у одного иностранца пропал фотоаппарат, у другого – куртка. Завтра же вернуть! Если не можете найти, надо купить, но вернуть! А случаев таких было, к сожалению, немало.

Большую помощь в обеспечении успешного проведения фестивальных мероприятий оказывали так называемые «прикрепленные». Это были представители советской молодежи в каждой делегации, которые организовывали экскурсии, обеспечивали транспорт, следили за соблюдением плана мероприятий по фестивалю, то есть были настоящими шефами делегаций.

После фестиваля все эти «прикрепленные» были приглашены делегациями в свои страны как люди, помогавшие им на фестивале. В Египте и Алжире их принимали даже президенты страны.

Еще до фестиваля мы развернули среди молодежи кампанию по изготовлению подарков для делегаций – наборы инструментов, парфюмерии, косметики, трикотажа и т. д. Все это делалось в неурочное время и из сэкономленных материалов, без затраты государственных средств.

Фестиваль начался с движения участников от ВДНХ. Далее на открытых грузовиках по Садовому кольцу к Лужникам, где собралось Политбюро. Встречать участников фестиваля вышла вся Москва. Началось подлинное братание! Движение застопорилось!

Мы бросились на стадион докладывать Н.С. Хрущеву, что опаздываем. Узнав, в чем дело, он сказал: «Вы за нас не беспокойтесь. Подождем. Только передайте по радио и телевидению, что открытие задерживается в связи с тем, что москвичи очень тепло встречают делегатов на улицах».

На час, если не больше, отодвинули, открытие фестиваля.

На фестиваль кроме приглашенных приехало много разного люда: фарцовщики, «ночные бабочки» и прочие. Мы пустили слух, что «бабочек» этих ловят и стригут наголо. «Бабочки» исчезли.

Много энергии в организацию фестивалей вкладывал секретарь ЦК ВЛКСМ С. Романовский, которого мы в шутку называли «министром иностранных дел комсомола». Он объездил весь мир. Я же оставался в Москве, обеспечивая тылы, то есть снабжение. Приходилось очень часто встречаться с творческими коллективами. Однажды мне с Шелепиным довелось «одевать» хор им. Пятницкого. Мы увидели их старые «задрипанные» сарафаны и добились, чтобы им дали красивые расшитые платья, платки.

По нашему настоянию главному постановщику всех фестивалей И.М. Туманову (Туманишвили) присвоили звание народного артиста СССР. На фестивалях в Берлине и в Праге он был главным режиссером. Оформлял и олимпийские игры, концерты и пр. Туманов был знаток музыки, танцев, театра.

В Большом театре комсомолу помогали знаменитые балерины Ольга Лепешинская, которая была там в свое время секретарем комсомольской организации, и Раиса Стручкова, впоследствии ставшая главным редактором журнала «Советский балет».

Комсомольские организации очень нужны были тогда в творческих коллективах, особенно молодежных. Комсомол воспитывал молодых, продвигал их, например при помощи фестивалей. Та же Майя Плисецкая была уже на первом фестивале в Праге. Она, Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Ксения Рябинкина, Раиса Стручкова своей известностью на первых порах во многом обязаны комсомолу.

Иногда мы выступали инициаторами присвоения артистам званий, наград, представляя в Министерство культуры соответствующие бумаги. Как, например, появился театр «Современник»? Ведь это комсомол поддержал О. Ефремова в его начинаниях!

Мы активно подключали к работе представителей Национальных республик – и не только «верхушку», но и рядовой инструкторский состав. Некоторых наших работников побаивались даже секретари обкомов – настолько высок был их деловой, профессиональный уровень. Росла действительно высокопрофессиональная смена руководителей. Но для некоторых высокопоставленных чиновников это было не в радость.

Например, работал у нас заведующим отделом Отар Давыдович Гоцеридзе. Его назначили заместителем заведующего Оргбюро ЦК КПСС по Закавказью. Так Мжеванадзе его побаивался как конкурента, которого могут сделать первым секретарем. Он его всячески отодвигал: добился упразднения Оргбюро, сославшись на то, что решение национальных вопросов там протекает без осложнений. Такие органы были не только в Закавказье, айв Средней Азии и Прибалтике. В Прибалтике Оргбюро тоже продержалось совсем недолго.

С упразднением Оргбюро Гоцеридзе остался без работы. Мжеванадзе стал быстро пристраивать его в совнархоз, к управлению мясо-молочной промышленностью, к которой Гоцеридзе никакого отношения не имел. Я в то время уже работал в КГБ.

Отар Гоцеридзе позвонил мне и просил помочь. А у меня начальник управления оперативной техники, доктор наук, все просился уйти – не хотел погоны надевать. Я предложил этот пост Гоцеридзе и, получив его согласие, доложил о кандидатуре Брежневу. После некоторой проволочки Отара утвердили на Политбюро. Правда, потом, через какое-то время, Брежнев, кивая на Гоцеридзе, упрекал меня: мол, я подбираю в КГБ «своих людей».

После моей отставки из КГБ Гоцеридзе недолго проработал там. Позже его перевели начальником сводного отдела в Госплан СССР.

При Брежневе многих ребят, которые с нами работали, убирали. Вплоть до того, что нет-нет да и спрашивали:

– А когда ты в комсомоле работал? При Шелепине и Семичастном или после?

В зависимости от ответа и решался вопрос о назначении.

Другой пример. Муртазаев из Узбекистана – схватывавший все на лету, ориентированный в любых обстоятельствах человек. Его побаивался даже Рашидов. Когда Муртазаева назначили первым секретарем горкома партии в Ташкенте, Рашидов сделал все, чтобы его дискредитировать.

В Белоруссии высокие партийные посты занимали бывшие комсомольские лидеры: П.М. Машеров, М.В. Зимянин, К.Т. Мазуров. В Азербайджане хорошо работал талантливый организатор Каримов.

В комсомоле было много прекрасных людей. Карьеристов же, людей случайных – единицы.

При мне, к моему великому сожалению, появился Михаил Горбачев в роли первого секретаря Ставропольского крайкома комсомола. Он сменил там Виктора Михайловича Мироненко, которого мы забрали на должность секретаря ЦК ВЛКСМ. На своей должности Горбачев ничем не выделялся, незаметная была фигура, потому Мироненко никогда Горбачева никуда и не предлагал.

Мироненко рассказал мне как-то историю его встречи с Горбачевым на похоронах бывшего редактора «Комсомольской правды» Ю.Л.Воронова. К группе товарищей, в которой был и Виктор Михайлович, подошел Горбачев. Завязалась беседа, и Горбачев, обращаясь к Мироненко, сказал:

– Вот, с твоей легкой руки началась моя карьера.

– Да пошел ты к черту, – вспылил Мироненко. – Мне из-за тебя житья не дают в Москве: обвиняют, что я такого подлеца вырастил!

Таких, как Горбачев – отступников от убеждений и сложившихся в комсомоле традиций, – были единицы. Существовало иное, подлинное комсомольское братство.

Я не знаю таких дел, в которых комсомол прямо или косвенно не участвовал бы. Он всегда был рядом с партией, всемерно помогая ей.

Возьмите хотя бы события в Венгрии в 1956 году. Партия послала туда в каждый округ своего представителя в качестве «полковника». Они там выступали от имени армии и помогали партийным органам восстанавливать порядок в стране после контрреволюционного мятежа.

Мы, со своей стороны, послали туда «майоров». В числе таких «майоров» был Н.Е. Кручина, будущий управляющий делами ЦК партии. В ЦК ВЛКСМ он заведовал отделом сельской молодежи. Наши «майоры» помогали комсомолу Венгрии в тех округах, где были наши войска. Люди в полковничьих и майорских погонах воспринимались населением лучше, и они больше могли сделать. Наших «майоров» там было 15 человек. Я их собирал, инструктировал и отправлял.

Или случай с Борисом Пастернаком.

Некоторые спрашивают меня сегодня: испытываю ли я угрызения совести в связи со сказанным мною в адрес Пастернака на комсомольском форуме, не подставили ли меня?

Что ответить на вопрос, заданный спустя полстолетия после события и в совсем другой стране?..

Расскажу, как это было.

Предстояло празднование 40-летия комсомола. Готовились к проведению торжественного пленума ЦК ВЛКСМ, на котором должны были присутствовать Хрущев и другие члены Политбюро.

Неожиданно за день до заседания зазвонил телефон, я услышал голос Никиты Сергеевича:

– Приезжайте в Кремль и Аджубея захватите.

По дороге я спросил Алексея, не знает ли он, в чем дело.

Тот ничего не знал.

В кабинете у Хрущева уже сидел Сулов.

Никита Сергеевич, обращаясь ко мне, спрашивает:

– Завтра ты с докладом на пленуме комсомола выступаешь?

– Да, я.

– А не мог бы ты в докладе «выдать» Пастернаку, как надо?

– Что вы имеете в виду? – ответил я вопросом на вопрос, так как был застигнут врасплох.

– Да вот с присуждением ему Нобелевской премии.

– Это в доклад не очень вписывается, так как он посвящен 40-й годовщине комсомола.

– Найдите для этого место в своем докладе. Вот мы надиктуем сейчас с Михаилом Александровичем странички две-три, потом вы с Алешей посмотрите, с Суловым согласуете, и действуй.

Хрущев вызвал стенографистку и начал диктовать. Тут были любимые им словечки: и «паршивая овца», и «свинья, которая не гадит там, где ест или спит», и пр. Типично хрущевский, нарочито грубый, бесцеремонный окрик, выпирающий из текста доклада, нарушающий общий его тон.

Когда он продиктовал слова о том, что, мол, «те, кто воздухом Запада хотят подышать, пусть убираются, правительство возражать не будет», я взмолился:

– Никита Сергеевич, я же не правительство!

– Не беспокойся! Мы будем сидеть в президиуме и в этом месте тебе поаплодируем. Люди поймут.

В целом Хрущев наговорил примерно три страницы. В конце концов мы их превратили в одну. Не просто было включить такой текст в доклад, где с пафосом отмечались подвиги комсомола. В результате пришлось кое-что изменить в уже готовом тексте, чтобы была хоть какая-то связь между отдельными его частями.

Когда на следующий день я с задором произносил свою речь с трибуны во Дворце спорта, место в докладе о Пастернаке было встречено бурными аплодисментами.

Надо сказать, что книгу Бориса Пастернака «Доктор Живаго» я, как и все присутствовавшие в зале, тогда еще не читал. Была она издана в Италии, и в нашей стране ее прочесть было нельзя. Поэтому судить о содержании книги я не мог и осуждал Пастернака за факт незаконного, тайного издания книги за границей.

Вопрос о Пастернаке не был очередным капризом Хрущева. К этому его вынудили обстоятельства: «оттепель» разморозила либеральных критиков устоев Советской власти и политики КПСС в области идеологии. Их надо было одернуть. И расчет Хрущева оправдался.

Пастернак – не Маяковский. Что мог знать о Пастернаке молодой строитель, шахтер, тракторист, комбайнер? Молодым работягам, да и не только им, было непонятно, за что враждующий с нами Запад платит огромные деньги поэту Пастернаку. Им объяснили: книгу свою он переправил за границу тайно. В ней он отрицательно относится к Октябрьской революции, за что и получил Нобелевскую премию. Следовательно, вся история вокруг Пастернака – это политическая акция против нас.

Так оно, в сущности, и было.

Мы имели дело с попыткой западных служб раскрутить у нас одного из первых диссидентов.

Правда, ставка на Пастернака оказалась у них не вполне удачной: на следующий день он обратился с письмом в редакцию «Правды» и, сославшись на мою речь, заявил о том, что не намерен покидать свою родину и отказывается от Нобелевской премии. Однако семя проросло. Прошло несколько лет, и «эстафету» подхватили такие лауреаты Нобелевской премии, как Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Иосиф Бродский...

Как известно, после моего выступления пленум Союза писателей СССР единогласно принял решение об исключении Пастернака из Союза писателей. Было составлено письмо для печати по поводу «поведения Пастернака», которое подписали не только московские литераторы, но и те, кто оказался в то время в Москве.

31 октября 1958 года состоялось общемосковское собрание писателей для обсуждения вышеупомянутого решения. На собрание были приглашены члены Президиума Правления Союза писателей СССР, члены бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР, члены Президиума Московской организации Союза писателей, то есть те люди, которые на своем объединенном пленуме уже приняли решение об исключении Б. Пастернака из Союза писателей. На собрании 31 октября было сказано много неллицеприятного в адрес Пастернака. Кто-то даже внес поправку в решение собрания: «Просить Советское правительство лишить Пастернака советского гражданства», – но она не пошла.

Навсегда я запомнил один из дней работы XIII съезда комсомола. Нам уже было известно, что Александра Николаевича Шелепина переводят в ЦК КПСС, а меня будут предлагать к избранию первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Накануне мне позвонил Хрущев:

– Слушай, давайте хорошую традицию заведем, чтобы из комсомола по-доброму провозжать. Вот Шелепин уходит... Можем мы, конечно орден дать, но это уже надоевшая штука. Вы же можете придумать что-нибудь этакое...

Мы с ребятами на второй день собрались и решили учредить звание «Почетный член ВЛКСМ» и прямо на съезде присвоить его Шелепину. Звоню Хрущеву:

– Никита Сергеевич, вот что мы надумали.

– Здорово! Мы, пожалуй, еще и решением Президиума ЦК одобрим и поддержим.

Через час снова звонит:

– Знаешь, а давай-ка и Михайлова к этому присовокупим. А то ушел из комсомола руководитель, и не поблагодарили его по-настоящему.

Николая Александровича Михайлова я нашел дома – больного, с насморком и температурой:

– Слышишь, еле дышу.

Не объясняя подробностей, я ему говорю:

– Николай Александрович, завтра вы должны прийти на закрытие съезда хоть ползком, потому что и для вас, и для нас событие будет действительно историческим.

Перед началом заключительного заседания съезда захожу в комнату для президиума в Большом Кремлевском дворце (меня уже избрали первым секретарем ЦК ВЛКСМ!), а там – весь Президиум ЦК партии. Я – к Хрущеву:

– Никита Сергеевич, есть у меня в заключительной речи слова о том, что уходит Шелепин «на большую партийную работу». Можно, я скажу, что он идет не просто в ЦК партии, а на большую и ответственную партийную должность – завотделом ЦК партии?

– Что значит «большую»? Инспектор ЦК – тоже большая должность. Нет, не надо.

– Но это же завотделом парторганов ЦК! По существу, мы впервые будем так провожать первого секретаря ЦК комсомола.

– Да через три дня об этом назначении узнает вся страна.

– Ну, одно дело я на съезде скажу, а другое – из печати...

Хрущев повернулся к членам Президиума ЦК:

– Ну что мне с ним делать? Он требует, чтобы ему разрешили объявить о назначении

Шелепина сейчас, на съезде.

– Да ничего я не требую! Просто хочу сказать то, что фактически состоялось...

– Но у нас еще не все подписали протокол Президиума.

– Но решение уже состоялось? Да и все члены Президиума ЦК здесь.

Хрущев обратился к членам Президиума:

– Ну что с ним будем делать? Ладно, давай! – засмеялся он под одобрительные улыбки собравшихся.

И действительно, когда я, закрывая съезд, объявил, что присваивается звание почетного комсомольца Александру Николаевичу Шелепину и Николаю Александровичу Михайлову, зал взорвался – такую делегаты устроили овацию. А когда потом я еще добавил, что Шелепин уходит на работу в ЦК заведомо парторганов, – такое в зале началось ликование! Ведь все понимали, что этим решением давалась оценка работы комсомола в целом.

Никита Сергеевич, когда я под гром аплодисментов вернулся в президиум, смеясь и хлопая в ладоши, говорил мне, стараясь перекричать овацию:

– Это же надо так зал завести!..

А Н.А. Михайлов потом благодарил, что я его с постели поднял. И Хрущев после съезда мне позвонил:

– Знаешь, ты был прав!

Я тогда не предполагал, что не пройдет и года, как и я буду прощаться с комсомолом...

Борьба за власть

Вокруг Сталина был создан ореол «отца народов», и все, что было достигнуто страной за годы Советской власти, представлялось творением его рук. Пропаганда умело соединяла судьбы людей с именем Сталина. На фронтах сражались и умирали со словами «За Родину! За Сталина!». И это были не просто слова: такие чувства жили в глубине души каждого из нас.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда Сталин умер, столько людей скорбели по нему. Плакали даже те, в чьих семьях были жертвы репрессий. К тому же об объеме всего негативного, что в нашей истории связано с этим человеком, мы не имели тогда еще полного представления.

В день похорон в Москве ударил мороз, но улицы, ведущие к Колонному залу, где стоял гроб с телом Сталина, были заполнены людьми, приехавшими со всех уголков страны проститься с вождем. Никто их не заставлял стоять на холоде долгие часы. Они пришли сюда добровольно, по зову сердца.

Дорога от здания ЦК комсомола до Колонного зала Дома союзов в обычные дни занимает не более десяти минут. Но в тот морозный мартовский день нам не хватило и четырех часов. Окна, витрины – ничто не в состоянии было выдержать огромного давления людских толп. Тот, кто не увидел все это собственными глазами, не сможет сполна представить себе происходившего. Тогда немалому числу людей прощание со Сталиным стоило жизни.

В обстановке всеобщей скорби у комсомольских активистов родилась мысль переименовать Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи, заменив слово «ленинский» на «ленинско-сталинский». Собрали Бюро ЦК ВЛКСМ. Все были единодушны в этом решении. Подключили писателей для составления текста обращения к молодежи.

Как рассказывал мне Шелепин, он позвонил Хрущеву и сообщил об этом решении. Хрущев, немного подумав, сказал: «Ну а что? Давайте, действуйте!»

Обращение составили быстро, но в 12 часов ночи на квартиру Шелепину позвонил Хрущев: он поинтересовался, когда будет пленум ЦК ВЛКСМ и готово ли обращение. Шелепин ответил, что пленум будет завтра и что обращение готово. Тогда Хрущев спокойно, как о чем-то обыденном, сказал: «Не надо этого делать. Мы тут посоветовались и решили, что делать этого не надо».

Еще один факт из событий тех дней.

Сразу же после смерти Сталина было решено организовать на ближней его даче музей. Мы ездили на место смотреть. Там встретили сотрудников Центрального музея В.И. Ленина, которые должны были принять участие в этом мероприятии. Но через месяц-два намерение было забыто: ничего не открыли, и лишь иногда возили туда на экскурсии – только актив...

Как бы мы ни оценивали роль Хрущева в истории страны, нельзя не учитывать, что близость к Сталину заставляла Хрущева всегда идти на поводу у вождя. Поэтому он, как и все его сподвижники, визировал ордера на арест, имел прямое отношение к массовым репрессиям, громил в своих речах в Москве и на Украине «правых» и «левых», требовал привлечения их к самой суровой ответственности.

Во время сталинских репрессий Хрущеву не удалось сохранить свои руки «чистыми». Хотя мы не раз говорили с ним о годах бесправия, он при этом никогда не останавливался на той роли, которую ему самому пришлось сыграть в те годы. Хрущев нигде и никогда не признавал своего участия в репрессиях. Но факты говорят о другом.

Так, выступая в мае 1937 года с отчетным докладом на Московской партийной конференции, он чуть ли не половину его посвятил теме вредительства, борьбе с врагами народа – троцкистами и бухаринцами. 14 августа 1937 года пленум МК ВКП(б), заслушав инфор-

мацию Хрущева о мероприятиях по укреплению райкомов партии, поручил бюро срочно разобрать все полученные материалы о связях отдельных руководящих работников с «врагами народа» и обеспечить укрепление райкомов партии и партийных организаций проверенными партийными кадрами, Хрущев сказал: «Нужно уничтожить этих негодяев. Нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа».

К началу 1938 года были репрессированы почти все секретари МК и МГК ВКП(б), большинство секретарей райкомов и горкомов партии Москвы и Московской области, многие руководящие советские, профсоюзные и комсомольские работники, сотни руководителей, предприятий, специалистов, деятелей науки и культуры. Естественно, не последнюю роль сыграли и указания Хрущева, и та атмосфера, которую он создавал тогда в Московской партийной организации.

Еще один характерный пример. По ордеру, завизированному Хрущевым, репрессировали Р.А. Ульяновского. И это несмотря на то, что тот регулярно занимался с Хрущевым, помогал ему в усвоении политэкономики. Правда, впоследствии Ульяновского реабилитировали, и он работал до ухода на пенсию заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС. К сожалению, Хрущев ни на XX съезде КПСС, ни в одном из последующих своих выступлений ничего не сказал о своей причастности к репрессиям.

Отношения Сталина и Хрущева были противоречивыми. Сам факт, что после войны Сталин заменил на Украине Хрущева Кагановичем, свидетельствует о его определенном недоверии. Однако скорое возвращение смещенного на его прежнюю должность, не прерванное членство его в Политбюро ЦК партии доказывают, что конфликты между ними никогда не перерастали в открытую враждебность.

Тем не менее действия Хрущева в дальнейшем высвечивают различия в подходах этих двух государственных деятелей к тем или иным проблемам. Хотя, конечно же, существовало немало общего. в стиле их работы.

На Украину Хрущев приехал именно в ту пору, когда все республиканское руководство было снято и посажено с ярлыком «врагов народа», и в Киев он прибыл не просто работать, а наводить порядок. Сталин, как известно, на освободившиеся места посылал тех, кто исповедывал его правду и был ему верен.

Я, однако, не сомневаюсь, что Хрущев отрицательно относился к Лаврентию Берии, что его мысли о необходимости очистить партию, освободить страну от жестокого насилия, открыто им высказанные лишь в 1956 году, зреть начали задолго до этого.

Сталин управлял государством со времени смерти Ленина в 1924 году, и корни его власти были весьма разветвленными. И если Хрущев хотел укрепить свои позиции и стать во главе высшего руководства страны, то ему невозможно было избежать схватки со сторонниками старых порядков, прежде всего в самом Кремле, и как результат – убрать с пути не одного, а целую группу могучих противников, имевших авторитет, наработанный еще во времена Сталина.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года высшие посты в государстве заняли Георгий Максимилианович Маленков, ставший председателем Совета Министров СССР, и Никита Сергеевич Хрущев – первый секретарь ЦК партии. В высшем эшелоне власти оставались из сталинской плеяды три первых заместителя председателя Совета Министров СССР: Вячеслав Михайлович Молотов, он же министр иностранных дел Советского Союза, Лазарь Моисеевич Каганович, он же председатель Комитета Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы, Анастас Иванович Микоян, он же министр торговли СССР; все они были и членами высшего исполнительного органа партии – Президиума ЦК. Членом Президиума ЦК партии был и Лаврентий Павлович Берия, возглавлявший с 1941 года Министерство внутренних дел страны. Председателем Президиума Верховного Совета СССР и членом Оргбюро ЦК партии стал Климент Ефремович Ворошилов.

Это были многоопытные политики, прошедшие жесткую школу на выживание при Сталине. Отношения между ними были, мягко говоря, непростыми, и сторонниками Хрущева их назвать было никак нельзя.

И все-таки ему удалось склонить большинство членов Президиума ЦК к решению нанести удар по Берии. 26 июня 1953 года Берия был арестован. В июле пленум вывел его из состава ЦК и исключил из партии как врага Коммунистической партии и советского народа. 23 декабря того же года Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

На его место Хрущеву удалось поставить верного своего помощника И.А. Серова, но, памятуя опыт прежних лет, он не ввел его в руководящие партийные органы.

После смерти Сталина Хрущев всячески старался приблизить к себе Г.К. Жукова. В 1955 году он назначил его министром обороны вместо Булганина.

Хотя я тогда был уже кандидатом в члены ЦК, вторым секретарем ЦК комсомола, а Шелепин работал в аппарате ЦК, мы еще были слишком молоды, чтобы принимать участие в решении важных государственных вопросов. Мы чувствовали, что обстановка обостряется и дело близится к столкновению, однако нам оставалось лишь надеяться, что Хрущеву, восторженными поклонниками которого – и его самого, и его реформаторского курса – мы были, все-таки удастся победить. Я сравнивал Никиту Сергеевича с оппонентами и, зная еще со времен работы с ним на Украине о его умении влиять на людей, находить общий язык с ними, приходил к выводу, что в этом плане он был сильнее своих противников.

Раньше всех пострадал после смерти вождя его сын Василий Сталин. Он очень быстро почувствовал, что его собственной карьере приходит конец, и психика его не выдержала. При жизни отца он мог себе позволить практически все что угодно. И вдруг защитника не стало. Он – один! Рядом никого, кто бы понимал, прощал...

Поведение Василия в то время стало истеричным. Так не должен был себя вести взрослый мужчина, к тому же генерал. Хотя надо признать, что по-своему это была трагическая фигура.

Вырос Василий без матери – в 1932 году она покончила жизнь самоубийством. Как позже написала сестра Василия Светлана Аллилуева, в доме ощущалось отсутствие женской руки, материнской заботы. Весь персонал, обслуживавший дом, состоял из сотрудников Девятого управления органов безопасности. По большей части это были офицеры.

Сталин обращался с сыном по-отцовски строго. Однако воспитанием его заниматься не мог, на это у него не было времени.

Василий пошел в армию, где стал военным летчиком. Но уж слишком быстро он рос по службе и воинские звания получал не согласно достигнутого им мастерства, а с учетом отцовского положения.

В короткий срок стал генералом, еще при отце для него была создана специальная должность в Москве. Авиация в Московском военном округе существовала еще до Василия, но для него было образовано специальное подразделение с собственным штабом, где он и командовал.

Во время военных парадов над Красной площадью проносились самолеты. Василий всегда находился в первом, ведущем самолете и с его борта рапортовал отцу, стоявшему на Мавзолее Ленина. Самолеты пролетали очень низко над головами многочисленных демонстрантов, что было небезопасно.

Однажды авиационная часть парада была отменена из-за плохой погоды. Василий соображения безопасности не принял к сведению и без согласия министра поднял-таки самолеты в небо и повел их, как обычно, к Красной площади. Центр Москвы истребители миновали без проблем, но при возвращении на аэродром два из них затерялись во мгле и врезались в землю.

Сталин наказал сына: разжаловал, сместил с должности командующего авиацией Московского военного округа. Однако прошло немного времени, и Василий снова оказался на прежнем месте.

Не приходится удивляться, что уже в сравнительно раннем возрасте молодой человек пристрастился к алкоголю и стал волочиться за женщинами. Москвичам Василий был известен как алкоголик и развратник, допускавший и хулиганство. Он мог носиться по улицам в открытом автомобиле, который специально для него был собран на ЗИЛе, с бешеной скоростью, пренебрегая правилами безопасности. К тому же во время таких «гонок» он чаще всего был в состоянии алкогольного опьянения.

Сразу же после смерти отца Василий стал обвинять членов высшего руководства в том, что они хотели смерти Сталина, что они его убили, отравили. При этом он утратил всякое чувство меры.

На основе того, что «Сталин» не настоящая фамилия, а партийная кличка революционера Иосифа Джугашвили, Политбюро приняло решение запретить Василию в дальнейшем носить фамилию «Сталин».

Со Светланой в этом отношении не было никаких проблем. Она сама предложила, что впредь будет носить фамилию матери, и стала Светланой Аллилуевой. Сын Сталина в конце концов взял себе фамилию «Васильев».

Не переставая пить и дебоширить, он продолжал винить всех в своих проблемах, и его в конце концов посадили в тюрьму. Сидел он в Лефортове.

Как-то Хрущев задал Шелепину вопрос:

– А как ведет себя Василий Сталин? Может, его освободить? Поговорите с ним сами и посоветуйтесь со Светланой.

Когда Шелепин встретился с ним, тот поклялся, что будет вести себя достойно. Шелепин посоветовался со Светланой и задал ей вопрос:

– Как вы смотрите на то, чтобы освободить Василия из тюрьмы?

– Если вы со мной советуетесь и хотите знать мое мнение, то скажу откровенно: я бы из тюрьмы его не освобождала.

О беседах с Василием и Светланой Шелепин доложил Хрущеву. Подумав, Хрущев сказал:

– Я за то, чтобы его освободить. Узнайте мнение членов Президиума ЦК.

Все высказались за освобождение.

На другой день Василия привезли в Кремль к Хрущеву. Войдя в кабинет, Василий бухнулся на колени и умолял Хрущева выпустить его на волю. Хрущев подошел к нему, поднял с пола, обнял и заплакал, приговаривая: «Вася, Васенька, мой дорогой! Ведь я тебя еще в люльке качал».

Хрущев стал вспоминать, как он учился с матерью Василия в Промакадемии, и сказал, что из тюрьмы Василий будет освобожден, но просил его вести себя после этого пристойно. Сын Сталина клятвенно обещал. Вскоре решением суда он был освобожден из тюрьмы.

Некоторое время Василий действительно держался, но недолго. Вскоре он попросил вернуть ему все подаренные когда-то отцу как главе государства автомобили (а их было примерно десять). Василию объяснили, что это – подарки официальные, а не личные.

Опять откуда-то появились дружки, организовали пир в честь его освобождения. Опьянев, он сел за руль автомобиля и на большой скорости сбил пешехода.

Когда доложили об этом Хрущеву, тот страшно разгневался. Решено было положить Василия в больницу. Подлечив, отправили его в Казань, где он и скончался...

Я придерживался мнения, что съезды Коммунистической партии Советского Союза, особенно в послевоенный период, стали носить скорее торжественный и показательный характер, вместо того чтобы оставаться рабочими заседаниями. Только на переломе двадцатых и

тридцатых годов эти собрания еще созывались для дискуссий, для всестороннего анализа положения в партии, в стране, во всем мире. Тогдашние участники съездов были все-таки ближе к использованию диалога при возникавших временами спорах.

Однако с течением времени диалог стал уступать место единомыслию, стереотипу.

Частично проблема заключалась в широком участии в съездах представителей зарубежных коммунистических и рабочих партий. По мере того как возрастало число зарубежных гостей, все чаще случалось, что на трибуну выходило больше представителей дружественных партий с приветствиями, чем самих делегатов, собиравшихся говорить о внутренних проблемах.

Я же считал, что мы не всегда должны говорить только за закрытыми дверями. Мы с Шелепиным уже давно пришли к общему выводу, что столь торжественные съезды при участии многочисленных делегаций следовало бы проводить лишь по случаю больших партийных дат. На остальных же периодически проводимых партийных всесоюзных форумах должны бы проходить сугубо целевые дискуссии.

Положение в стране и собственный рост как руководителя привели Никиту Хрущева к убеждению в необходимости подступиться к проблеме, которая постоянно нависала над партией и страной: поднять вопрос о лживых обвинениях, доносах, личном произволе, об искусственном создании образа «врага народа».

Хрущев прочувствовал всю тяжесть предшествовавшего периода и принял решение объявить об этом открыто. Он счел необходимым сказать правду о сталинизме, пусть не полную, но хотя бы основную. Он понял, что умолчание о подобных вещах не украшает ни страну, ни партию. Сделать этот решительный шаг Никита Сергеевич отважился лишь через три года после смерти Сталина. съезд, состоявшийся в 1956 году, нарушил благодаря Хрущеву показную атмосферу этакой непогрешимости. В своем закрытом выступлении высший партийный руководитель подверг Сталина и его политику небывалой по тем временам, уничтожительной критике. Он разоблачил культ личности, его последствия, дал им оценку и сделал это таким бескомпромиссным образом, что все участники заседания были потрясены.

Я был на том съезде, но не как делегат, а как приглашенный. Я работал в то время вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. На этом съезде меня избрали кандидатом в члены ЦК КПСС, благодаря чему я и смог участвовать в закрытом заседании, когда Хрущев выступил со своим секретным критическим докладом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.